

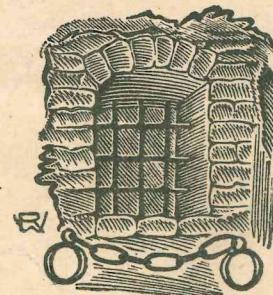
W 854
ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА
„КАТОРГА И ССЫЛКА“

У 289
854

Е. КОВАЛЬСКАЯ

ЮЖНО-РУССКИЙ РАБОЧИЙ СОЮЗ

1880—1881

№

— МОСКВА —
1926

36—39

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА „КАТОРГА и ССЫЛКА“
ЖУРНАЛА

№

36—39

259

854

Е. КОВАЛЬСКАЯ

ЮЖНО-РУССКИЙ РАБОЧИЙ СОЮЗ

1880—1881

Пе
з

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН И СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ
МОСКВА—1926

Типография
«МИНТЕРН»
Центрального Изд-ства
Народов СССР.
Ленинград,
Екатерингофский, 87.

Главлит № 71451.

Тираж 15.000 экз. в л.

«...То, о чём мечтали социалисты на севере, т. е. стойкая организация — то здесь почти удалось, и Ю.-Р.Р.С., что бы ни говорили люди, отрицающие его серьезное значение, тем не менее, существует и, что более всего опасно, это — что он близок к народу, имеет влияние на народ, действует вполне сознательно и медленно, но за то верно разрушает все те отношения, которые существуют между народом и правительством...»

«Прокламации Ю.-Р.Р.С. затрагивают прямо слабые струны крестьянского сердца, они понятны для народа, который относится к ним сочувственно, и след, оставляемый ими, нельзя изгладить репрессивными мерами..» «Революционеры хотели воспользоваться еврейскими беспорядками, чтобы направить народ на фабрики и заводы, и если бы не энергичная деятельность нач. киев. ж. д. Новицкого, во-время обнаружившего в Киеве типографию Ю.-Р.Р.С., по всей вероятности, беспорядки не ограничились бы одним антиеврейским движением, а усложнились бы настолько, что подавить их было бы слишком трудно...» (Дело деп. пол. гг делопр. № 679, ч. I, 81—83 годы).

Так оценивал Ю.-Р.Р.С. его классовый враг, царский сенатор Кутайсов, в письме к графу Игнатьеву.

Елизавета Николаевна
Ковалевская

Глава I.

Приступая к истории «Южно-русского рабочего союза», я должна остановиться немного на прошлой деятельности лиц, основавших этот союз¹⁾.

1) В заграничном издании «Былого» (Лондон. 1904) № 6 была напечатана небольшая статья о Южно-русском союзе, написанная мною исключительно по личным воспоминаниям, с приложением выдержек из напечатанной в «Journal des Economistes» статьи Молинари, который имел некоторые документы о Ю.-Р.Р.С., доставленные ему каким-то лицом, хотя и находившимся, видимо, в общении с членами этого союза, но недостаточно осведомленными. В литературе по истории революционного движения имеются только кое-какие упоминания об этом союзе, и в них много ошибок. В «Красном Знамени» Мартова (загран. изд.) говорится, что программу для Ю.-Р.Р.С. написал П. Аксельрод. Он не только таковой не писал, но и не мог написать, так как она в полном антагонизме с его взглядами того момента. Эта ошибка повторена и в «Истории революционного движения» Туна (с примечаниями Шишко). Молинари, на основании доставленного ему письма, говорит о плане Ю.-Р.Р.С. поднять восстание в России с помощью чиншевиков. Ю.-Р.Р.С. имел дело с чиншевиками, но не думал с помощью какой-то горсточки чиншевиков, вкрапленных в другое население, поднимать революцию.

Настоящий очерк написан мною по личным воспоминаниям и по делам архива Ленинградского Историко-революционного (бывших: III отделения департамента полиции и министерства юстиции).

В 70-х годах было много революционеров разных программ (бакунистов, лавристов и др.), предпочитавших вести свою работу самостоятельно, в одиночку, и не вступавших поэтому ни в какие кружки, ни в какие организации. Делалось это, главным образом, по следующим соображениям: пускаясь в мало известенный океан народа, нащупывая непривычную, для многих чуждую почву, было крайне неудобно связывать себя директивами какой бы то ни было организации,— это не давало простора, свободы действий. Попадая в неожиданные ситуации, приходилось думать о согласовании действий с уставом, выработанным в кабинетах людей, часто оторванных от практической жизни; часто встречались конфликты на практике, конфликты между собственной внутренней моралью и теоретической моралью кружка. Приходилось иногда лавировать между осуждением собственной совести и осуждением кружка. Организация, представляя выгоды,— возможность легче переброситься с одного места в другое, получить паспорт, приют, связь с местным населением,— представляла в то же время огромную опасность быть извлеченным из работы, благодаря какой-нибудь малейшей неосторожности кого-либо из членов организации. Эта последняя опасность имела место особенно в первую половину 70-х годов, когда начинавшие работу, наивные, верующие энтузиасты очень мало считались с условиями тогдашней царской России, с ее сыском, перлюстрацией писем, слежкой.

В силу таких соображений, начиная свою революционную деятельность в начале 70-х годов, я долго работала в одиночку, завязав связи с другими революционерами только для получения нелегальной литературы и для взаимной помощи. Не буду задерживаться на всей моей предыдущей работе,— перехожу

к моменту, когда я вступила в партию «Черный Передел», из которой потом вышла вместе с Щедриным¹⁾, чтобы начать организацию «Южно-русского рабочего союза». Щедрин до вступления в «Черный Передел» работал в кружке, примыкавшем к «Земле и Воле».

В 1879 г. партия «Земля и Воля» разделилась на две, которые потом приняли названия: «Народная Воля» и «Черный Передел». Последний остался верен землевольческой программе²⁾. Вступая в «Черный Передел», принимая основные положения программы «Земля и Воля», по которой я и раньше работала, в вопросах тактики я колебалась. Опыты революционеров, работавших в деревне, были мало успешны. Чужому человеку в деревне приходилось долго, с трудом завоевывать доверие крестьян, а когда его престиж укреплялся, жандармы уже шли по его следам,— приходилось сниматься с места, перекочевывать в другое, где повторялась та же история. Бунты (вопреки теории Каблица, говорившего, что в горниле бунтов, путем упражнения, революционное чувство растет) успешно подавлялись, вызывая

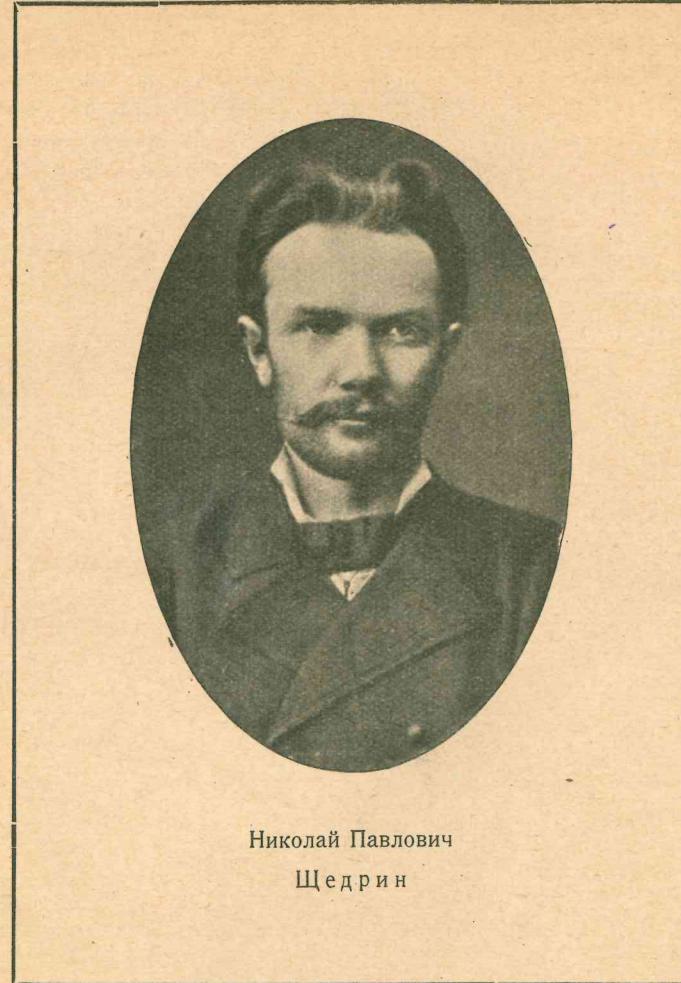
1) Шлиссельбуржец М. Р. Попов, бывший чернопеределец, называет Щедрина и Ковалевскую «творцами Южн.-рус. раб. союза». («Минувшие годы», 1908 г., № 2 й, стр. 183).

2) Н. А. Морозов в статье «Возникновение Нар. Воли» (Былое, 1906 г., № 12) неправильно обясняет происхождение названия «Черный Передел», говоря: «группа назвала себя «Ч. П.», или народниками, в знак того, что главная цель их общества есть передел всех земель России на ч е р н о между общинниками-крестьянами.» Никакого передела на ч е р н о никогда не было в программе «Черного Передела». На собрании этой группы долго не могли придумать название; Щедрин предложил «Черный Передел», в виду того, что в народе ждут какого-то «черного передела», — это сделает партию популярной в крестьянстве.

в крестьянах разочарование и недоверие и к агитаторам, и к собственным силам.

В разных подходах к массам я постепенно пришла к мысли о необходимости выдвинуть на первый план деятельности, с одной стороны, экономический террор (он входил в программу «Черного Передела», но на первом плане стояли бунты), как более понятный, защищающий непосредственно интересы масс, берущий наименее жертв и поднимающий революционный дух; с другой стороны, организацию рабочих союзов, члены которых перебрасывали бы из городов в свои деревни революционную работу, и на первом плане опять же экономический террор. Сочувствие моему взгляду я встретила у чернoperедельца Н. П. Щедрина, с которым только познакомилась в новой партии. Щедрин произвел на меня впечатление человека огромной энергии, большой силы воли. Подвижной, как ртуть, постоянно носившийся с каким-нибудь новым проектом работы, в то же время сдержанный, хороший конспиратор.

Когда народовольцы предупредили чернoperедельцев о времени готовящегося покушения на царя под Москвой,— у нас поднялся вопрос о посылке в провинцию наших с целью поднять там бунты, в случае удачи покушения. Щедрин горячо возражал, доказывая, что народ никаких бунтов по этому случаю не поднимет, а посланных чернoperедельцев перебьет, так как благодарное отношение к царю-освободителю в крестьянстве слишкомочно. С настроением крестьян в этом направлении Щедрин ознакомился, когда в роли писаря жил в Аткарском уезде для пропаганды. Мы принялись с Щедриным разрабатывать практическую программу экономического террора и рабочих союзов.

Николай Павлович
Щедрин

Но вскоре наше внимание было отвлечено в другую сторону. «Черный Передел» приобрел в Смоленске от Переплетчикова типографию. Надо было организовать получение ее в Петербурге. Я подыскала легальное лицо, на имя которого была выслана накладная на товар. Щедрин поселился со мной в маленькой квартирке в Измайловском полку под видом слесаря, ждущего с родины присылки инструментов, чтобы открыть слесарную мастерскую. Типография была благополучно получена на вокзале, перевезена на нашу квартиру, отсюда по частям перенесена в другую, где должна была производиться работа. Из Саратова был выписан рабочий-типографщик Александр Жарков, которого ранее знали некоторые землевольцы, как человека надежного. Началась работа первого номера «Черного Передела». Жаркову понадобилось, не помню зачем, поехать в Москву. Там он был арестован с нелегальной литературой. Стал выдавать все, что знал. Его выпустили на свободу, чтобы он мог указывать лиц. Вернувшись в Петербург, он выдал типографию. Многие из чернопередельцев были арестованы: Крылова, Елизавета Шевырева, Аптекман, Приходько и Короткевич. Плеханов, Дейч, Степанович и Засулич еще раньше уехали за-границу. Жарков хорошо знал меня и Щедрина, но не знал нашей новой квартиры. Оставаться нам в Петербурге было неудобно: Жарков мог встретить нас на улице.

Случайно в это время Щедрин встретил одного знакомого, рабочего Митрофана (фамилии его я не знала); он только что приехал с фабрики Хлудова в Смоленске и рассказал ему об ужасной катастрофе: Хлудов, боясь, чтобы рабочие не крали сырья, запирал их на ночь в фабрике; ночью произошел пожар, и много рабочих сгорело. Щедрин прибежал домой крайне возбужденный: «Надо начать экономический

террор,—этот случай оставить безнаказанным нельзя». Он условился с Митрофаном встретиться на другой день, чтобы говориться ехать туда.

Из лиц центра «Черного Передела» оставался еще П. Аксельрод в Петербурге. Его Жарков совсем не знал. Он вел кружки учащейся молодежи. Мы побежали к нему переговорить об этом деле. Узнав о нашем намерении ехать организовать убийство Хлудова, он возмутился и стал нам доказывать, что это невозможно, нежелательно, вредно. Предложил прочесть составленную им новую программу для «Черного Передела». Это был набросок программы, очень расплывчатый, какого-то перехода от народничества к марксизму. Соединение несоединимого. Теперь восстановить по памяти эту программу считаю невозможным, но уверенно могу сказать о ней: в народническую программу широко вклинились политические задачи, в тактику — средства западной соц.-демократии. Для нас она была совершенно неприемлема. Впоследствии я узнала, что за-границей она тоже не была одобрена чернопередельцами. Программу нашу с Щедриным в этот момент, послужившую потом основой программы Ю.-Р.Р.С., кратко можно формулировать так. Цель — изменение существующего строя на социалистический. Такое изменение возможно только путем народной революции. Предпосылки для таковой в России имеются: община, тяга русского народа к артели и к самоуправлению. Революция в России, если будет, то только социалистическая. Народ поднимется только за землю. Политические требования для него мало понятны. Всякий переворот, совершенный даже социалистической партией (а не революция, совершенная народом), неизбежно будет только политическим; дав стране свободы наподобие

свобод на Западе, он ничего не даст в области экономического изменения положения трудящихся, облегчив в то же время возможность для буржуазии сорганизоваться и тем стать более опасным и сильным врагом трудящихся. Недовольство своим положением существует у крестьян и рабочих, но отсутствие веры в возможность самим свергнуть существующий строй мешает народу поднять восстание. Надо дать ему эту уверенность. Центральный политический террор далек для их понимания. Только террор экономический, как защищающий их непосредственные интересы, который мы тогда имелиновали «демократический»: убийство всяких ближайших к народу полицейских и административных лиц, понятный народу, берущий меньше жертв, чем бунт и стачка, — только такой террор может поднять веру в возможность самим бороться, в возможность самим, организуясь, свергнуть существующий строй. Интеллигенции работать в деревне почти невозможно. Работать среди городских рабочих легче. Рабочие, возвращаясь в свои деревни, смогут в крестьянстве проводить такую программу действий.

Отсюда ясно, что с «Народной Волей» нам было не по дороге. «Народная Воля» определенно поворачивала в сторону политического переворота. Не по дороге и с западным социал-демократизмом в стране крестьянства и абсолютизма. Мощные удары «Народной Воли» потрясли верхушки общества, учащуюся молодежь, слегка затрагивали рабочих и совсем не досягали дотоли крестьянства. А в тех случаях, когда весть о террористическом акте попадала в народ, она преломлялась часто в его голове превратно. Такой одинаковый вывод был сделан из наших наблюдений мною и Щедриным. Во время покушения Соловьева, я работала с кружком рабочих металлистов

заводов Вестберга и Рыжова в Харькове. Узнав о покушении, рабочие пришли ко мне негодующие: «Это все дворяне за то, что царь освободил крестьян». Долго пришлось мне их разубеждать, и все-таки они ушли от меня с долей недоверия к моим словам. Правда, это были все молодые, только начинавшие приобщаться — не скажу даже к революции, а к некоторым познаниям по истории и политической экономии. В числе этих рабочих был Петр Антонов, впоследствии шлиссельбуржец, скромный, женственный, с большими красивыми, умымыми и грустными глазами, весь какой-то бархатистый, редко высказывавшийся. На мой вопрос: «а вы как думаете?», ответил: «не знаю, что ж я могу говорить, — я ведь еще ничего не знаю»; и за этим ответом чувствовалось сомнение¹⁾.

1) К биографии Петра Антонова, написанной В. Н. Фигнер, могу добавить несколько слов об этом моменте. Зимою 78—79 г. Антонов работал слесарем на заводе Вестберга в Харькове, там самостоятельно поднял и удачно провел стачку. С революционерами он в это время знаком еще не был. После стачки один выдающийся рабочий, бывший тогда уже революционером, известный мне только по имени («Николай»), сорганизовал кружок рабочих завода Вестберга, в этот кружок он привлек и Антонова. С этим кружком сначала занималась Сажина; я не была с нею знакома. Затем «Николай» отобрал (как выражались тогда рабочие) от Сажиной этот кружок и, познакомившись со мной, предложил мне с ним заниматься. Этот переход «Николай» мотивировал тем, что Сажина «хотя и образованная, но совсем не революционерка и только портит рабочих». Насколько это было верно, — сказать не могу. У меня занятия эти продолжались недолго, — весной мне пришлось бежать из Харькова. Помню, Антонов очень интересовался: как живут рабочие в других государствах, и какое там устройство; я познакомила их с западными государствами, подчеркивая, что, несмотря на большую политическую свободу, положение рабочих не блестящее, что только изменение всего экономического строя

Убегая из Харькова весной 1879 г. от ареста, я немного и недолго поколесила по Черниговской, Орловской и Воронежской губ., но везде слышала одно и то же: «помещики за то, что царь освободил крестьян, наняли человека, чтобы убить царя».

Возвращаясь к свиданию с Аксельродом. На почве разногласий программ завязался длинный спор, во время которого в комнату вошел молодой человек, худенький, с маленьким лицом, освещенным большими горящими, темными глазами. Он горячо начал вставлять свои возражения на программу Аксельрода. Было уже поздно. Мы решили выехать на другой день в Смоленск. Аксельрод, видя наше упорство, мягко, но решительно заявил: «Но вы не имеете права так поступать без согласия партии». — «А где она теперь?» — спросила я. От первого состава партии почти никого не осталось. Были молодые кружки с очень неопределенной физиономией. «Во всяком случае, мы выходим из партии и будем работать независимо», — ответили мы. Быть связанными в работе с заграницей, при трудности сношений, значило тормозить работу.

Дружески рас прощавшись с Аксельродом, мы вышли. Было темно. Улица пустынна. Вдруг за нами послышались торопливые шаги. Предполагая возможность слежки, мы свернули в переулок. Шаги нас нагоняли. Оглянувшись, мы увидели молодого чело-

даст рабочим действительную свободу. Идя на каторгу, дорогой я узнала от рабочего Хрушева, что основатель этого кружка «Николай» застрелился. Спустя два десятка лет, когда я жила за границей, Анна Алтекман, работавшая со мной в этом кружке, рассказала мне, что Антонов сделался народовольцем, захаживал к ней и часто с грустью говорил: «знаю, верю, что надо убивать, а все как-то не по себе». Это не помешало ему совер什ить террористический акт, но по натуре он был менее всего пригоден к террору.

века, бывшего у Аксельрода. «Мне очень понравилось все, что вы говорили, я непременно хочу повидаться с вами», — обратился он к нам, — «я только что приехал сюда из Киева, чтобы завязать связи с «Черным Переделом» и с «Народной Волей». — «Но вы же знаете, что это различные программы, как же вы хотите быть и с теми и другими?» — «Это ничего не значит: можно все это соединить, — в таком смысле работает у нас и ваш Василий Николаевич». Под этим именем был известен наш чернопеределец Мих. Род. Попов, ярый противник новой народовольческой программы. Я думала, что молодой человек что-то напутал, — так это было невероятно. «Едемте к нам в Киев, там ваши взгляды найдут благодарную почву», — закончил молодой человек. Мы условились повидаться на следующий день.

На другой день рано утром мы ждали Митрофана в дешевой кофейне близ Знаменской площади. Он пришел смущенный, несколько растерянный. «Я никак не могу ехать туда с вами». — «Ну, дайте нам какие-нибудь адреса, где можно было бы остановиться и осмотреться». — «Да видите, кто ж его знает, кто там остался; нет, знаете, ехать теперь туда не стоит». Мы видели, что Митрофан трусит, боится как-нибудь попасть в беду. Вернувшись домой, решили все-таки ехать туда вдвоем.

Вскоре пришел к нам молодой человек с горящими глазами. Назвал себя: «Иван Николаевич Присецкий». Подробно рассказал о положении дел в Киеве и настойчиво приглашал ехать к нему. Мы колебались. Подойдя к окну, я увидела на противоположной стороне улицы две типичные фигуры, упорно смотревшие в наше окно. Дело было ясно. Мы воспользовались выходом наших меблированных комнат на другую улицу, а спустя несколько часов уже ехали в Москву,

куда через несколько дней должен был приехать и Присецкий. Выехали мы из Петербурга до убийства Жаркова.

В Москве у Щедрина были старые товарищи сибиряки — Черкасов и Анзимиров, имевшие свой кружок из студентов Петровско-Разумовской академии. Мы попытались там проводить нашу программу, но сочувствия не встретили¹⁾.

Приехал Присецкий. Обсудив втroeем положение, решили: я еду в Киев зондировать почву, Щедрин будет пробовать в Москве завязать сношения с рабочими.

В Киеве я застала очень тревожное положение: Забрамский²⁾ имел постоянные сношения с местными революционерами, как товарищ, и в то же время путался с Судейкиным. Прежде всего я разыскала М. Р. Попова и была очень удивлена, услыхав от него подтверждение сказанного нам Присецким. «Здесь мало разбираются в теориях, все стремятся в революционную работу, не хотят расходиться из-за программ. Соединяя в одну группу, мы не дадим другому течению очень уклоняться в сторону политической борьбы. Да, надо об'единяться; я здесь соединяю воедино чернопередельцев и народовольцев» — сказал мне Попов. Еще больше была я удивлена его отношением к Забрамскому. «Но как же вы, зная, что он так близок с Судейкиным, продолжаете с ним встречаться, да и не вы один, — ведь он знает почти всех здесь». — «Нет, он не шпион, он не станет выдавать», — уверенно отвечал Попов.

¹⁾ Книжка Анзимирова об этом периоде, в которой он говорит, между прочим, о Щедрине, — полна ошибок. Ошибочно пишет обо мне, как о сестре расстрелянного в Одессе Ковальского, с которым я ни в каком родстве не состояла.

²⁾ Он сделался провокатором под влиянием Судейкина.

Поразила меня в Киеве невероятная халатность и даже больше—какая-то принципиальная неконспиративность. На другой день после моего приезда Присецкий заходит за мной, чтобы итти на собрание, где я буду развивать нашу программу. Под вечер идем длинным бульваром, на котором много гуляющей публики. Присецкий указывает мне низенький, одноэтажный деревянный домик с окнами на бульвар. Там собрание. Издалека до меня доносится шум многих спорящих голосов; проходящая публика заглядывает в окна. Я не верила своим глазам. Отказаться итти, повернуть назад—было как-то неловко. Я вошла. В двух небольших, низких комнатах была масса людей, трудно было двигаться, трудно дышать. Лица интеллигентные, горячие, боевые. После впечатлений от москвичей, каких-то вялых, чрезмерно рассудительных, пахнуло жизнью, энергией, свежестью. После моей речи посыпались вопросы, возражения, но чувствовалось сочувствие программе. Присецкий развивал программу набегов в духе Стеньки Разина, но согласился, что наша программа построена правильно, что можно одновременно действовать и экономическим террором, и партизанскими отрядами. По окончании собрания, я вышла с Присецким. К нам присоединились еще двое: высокий, очень молодой, красивый блондин, с мечтательными большими, голубыми глазами; другой—смуглый брюнет небольшого роста, с мелкими, правильными чертами, окладистой бородой, маленькими черными глазами, глубоко сидевшими под низким лбом; целая копна густых, прямых волос спускалась на плечи. «Ну, знакомьтесь»,—обратился к нам Присецкий. Блондин, назвав себя: «Поликарпов», подал мне руку. Брюнет не удостоил меня даже взглядом, продолжая с суровым видом шагать рядом с нами. Присецкий заговорил

о каких-то делах с брюнетом, который басом, простонародной речью, сбиваясь на малороссийский язык, отвечал ему довольно однозначно. От него веяло холодом. Когда наши спутники повернули в другую улицу, я обратилась к Присецкому: «Экие суровые ваши рабочие!».—«А где же вы их видели?»—«Да вот этот брюнет!» Он рассмеялся.—«Это бывший студент, почти доктор, немного не успевший окончить медицинский факультет, а теперь нелегальный. Поживете, узнаете поближе Павла,—это удивительный человек».

Придя домой, я нашла у себя телеграмму: Щедрин просил меня немедленно ехать в Москву. Досадно было бросать Киев.

Приехав в Москву, я узнала, что арестован один из видных чернопередельцев, Георгий Преображенский, известный под кличкой «юрист». Москвичи готовы были помочь ему бежать. Надо было использовать мое старое знакомство с М. М. Ковалевским, чтобы узнать, где и в каких условиях содержится Преображенский¹⁾. Ковалевский встретил меня очень радушно и снабдил нужными нам сведениями, но вскоре Преображенский был перевезен в Петербург.

Мы с Щедриным собирались ехать в Киев, как вдруг неожиданно к нам явился Присецкий с печальными новостями: М. Р. Попов арестован, много еще других арестов в Киеве. Поликарпов покушался убить Забрамского, но неудачно. Забрамский, раненый, успел бежать. Поликарпов тут же застрелился. Ехать в Киев было невозможно. Пришлось переждать

¹⁾ В 1872 г. М. М. Ковалевский, будучи еще молодым студентом, входил в кружок самообразования, который был организован в Харькове мною и моим первым мужем Я. И. Ковальским. Кружок был «радикального», как тогда называли, направления, но не был строго, определенно революционным.

в Москве, где вскоре начала замечаться и за нами слежка. Мы переехали в Замоскворечье, где поселились в Кокоревских номерах, изображая актеров, поджидающих приезда антрепренера.

В апреле 80 года мы переехали в Киев. Там мы нашли много интеллигентной молодежи, остатков от разных разбитых кружков. Настроение у всех было боевое, революционное. Генерал-губернатор Чертков, легко подписывавший смертные приговоры, казнивший гимназиста Розовского только за то, что Розовский отказался назвать лицо, оставившее у него чемодан с нелегальной литературой; Лозовского за то, что у него найдена одна прокламация,—все это вызвало во всех слоях общества возбужденное, негодующее настроение, особенно в среде учащейся молодежи.

Что касается программ—огромное разнообразие: видно было просто желание работать революционно, не разбираясь в программах. И многие охотно приняли нашу программу.

Мы стремились завязать скорее сношения с рабочими. Нас познакомили с двумя сапожниками. Впечатление от них было хорошее, но они не могли нам дать доступ к широким массам. Игнатий Иванов, у которого были нужные связи, сидел уже в тюрьме. Мне удалось через Павла Иванова добить от него рекомендацию к двум железнодорожным рабочим, к которым я и поспешила. В маленькой квартирке, мещански обставленной, меня встретил человек лет 35, с усталым, равнодушным видом. После сожалений об участии сидевшего Иванова, я попробовала навести разговор на положение рабочих, на способы борьбы за лучшее положение. С. соглашался во всем со мною, но не выказывал никакого желания что-нибудь делать. Пришел его приятель,—у этого лица было энергичное, речь решительная. Выслушав меня с видом

несколько покровительственным, он уверенно стал меня посвящать в то, что ему «достоверно известно»: существует-де в России такой комитет, который заботится о том, чтобы все переменить в России, он уже все хорошо знает и делает, и нам самим нечего соваться, мы только напортим дело. Никакие мои доводы, что это дело самих рабочих, не действовали: убеждение, что кто-то за них, для них все сделает, было твердо,—можно не беспокоиться. (Тут же должна сказать, что мне не раз пришлось потом встречаться с таким взглядом среди киевских рабочих, которые ранее встречались с революционерами). После длинного вечера беседы с ними я увидела, что это—люди хотя, вероятно, и надежные, но только сочувствующие, осевшие и не желающие рисковать собой.

Приходилось самим разыскивать новые знакомства с рабочими. С этой целью Щедрин с фальшивым паспортом поступил чертежником в железнодорожную мастерскую. Знакомясь там, он вскоре наметил трех молодых, живо интересовавшихся рассказами Щедрина о том, как живут рабочие заграницей, какие там были революции, как борются ирландцы за свою свободу, как могли бы русские рабочие сами добывать себе свободу. Все трое были очень молоды, грамотны, любили почитать книжку какого бы то ни было содержания, предпочитали романы. С революционерами еще не встречались, но слыхали и говорили о них с благоговением. Казнь Розовского и Лозовского произвела такое впечатление на всех троих, что, рассказывая нам об этом, они все пылали негодованием.

В это время в Киевском арсенале началось самостоятельно брожение среди рабочих на почве всяких притеснений. Наши железнодорожные знакомые свели

нас со своими друзьями из арсенала. Там почва оказалась наиболее благоприятной. Рабочие, более развитые, интересовались газетами, политикой. Наши знакомстваширились. Довольно скоро мы, наметив пять человек из арсенала, показавшихся нам наиболее подходящими, присоединив к ним трех молодых железнодорожных, устроили маленькое собрание, на котором развивали им нашу программу в общих чертах. В приложениях даю копию отрывка чернового наброска, сохранившуюся в делах департамента полиции. Программу в окончательной редакции мне найти в архивах теперь не удалось. Этот черновик дает правильное представление о сущности первой программы «Южно-русского рабочего союза».

Видя полное сочувствие, мы предложили немедленно основать «Южно-русский рабочий союз» и начать работу по нашей программе и тактике с арсенала. Все приняли с восторгом. Тут же мы им прочли заранее заготовленный устав. Он был очень короток, в расчете, что потом в практике работы он будет пополняться и изменяться. Суть его: члены центрального кружка должны были организовывать другие кружки, не посвящая их в дела центра, но предоставляя им свободу действий в их делах, в пределах программы; строго хранить тайну о делах союза. Мы спросили просто: согласны ли присутствующие подчиняться такому уставу и программе. Один из молодых, начитавшийся романов, вскочил с места и торжественно произнес клятву. За ним нерешительно то же сделали и другие. Мы этого не предвидели, но выдержали серьезный тон в такой торжественный момент.

Так образовался кружок, вначале только из 10 человек (считая меня и Щедрина), который принял название «Южно-русского рабочего союза». Слово

«Русский», вставленное в название по настоянию рабочих, менее всего подходило к расширявшемуся впоследствии Союзу. По составу лиц он был необычайно интернационален. В него вошли потом: малороссы, русские, поляки, евреи, француз, австрийский немец, саксонец, румын, отдаленный потомок татарина. Преобладали малороссы. Был он интернационален и по духу. В то время в среде рабочих Киева ярко господствовало юдофобство,—появление первого еврея в нашем союзе вызвало у рабочих недоумение и холодную враждебность. Один из выдающихся рабочих, носивший кличку Гайдамак, оставшись после собрания, яро набросился на меня за то, что я ввела «жида». На мой вопрос, почему еврей хуже русских, Гайдамак ответил неожиданно для меня: «они распяли Христа». —«Но ведь сам Христос вышел из еврейского народа». Гайдамак в юности был очень религиозен (кстати сказать, я знала многих революционеров, переживших религиозное увлечение, вернее, увлечение личностью Христа и его учением). Несмотря на появившиеся потом сомнения, Гайдамак продолжал благоговеть перед Христом. Мой ответ поразил его. Он не поверил мне и пошел к своему приятелю, молодому священнику. Тот подтвердил. Некоторое время Гайдамак ходил в раздумье,—каждую новую мысль он усваивал медленно, но глубоко иочно. Потом он примирился и стал убеждать других рабочих, что евреи не хуже русских. «Сам Христос и все апостолы из евреев были, а какую хорошую религию сочинили,—то же, что социализм»,—убеждал он других. Мало-по-малу наши рабочие перестали различать людей других национальностей от русских. Здесь я должна немного забежать вперед. В конце апреля 81 г. в Киеве разразился еврейский погром. Я и Щедрин в это время уже сидели в тюрьме. Типография

Ю.-Р. Р. С. в самый разгар погрома печатала и выбрасывала на улицу в толпу прокламации, в которых говорилось: «бьете вы жидов не разбираючи, надо бить всех эксплуататоров, будь то русский или еврей, а не бедняков евреев»¹⁾. Написана эта прокламация была самими рабочими Ю.-Р. Р. С.

К сожалению, теперь я не могу назвать фамилий рабочих, группировавшихся в союзе, кроме тех, которые судились вместе с нами. Соблюдая большую конспиративность, мы строго следили за тем, чтобы фамилии и даже настоящие имена не назывались,— все носили клички. Благодаря такой осторожности, аресты почти не коснулись рабочих, что видно из выпущенной ими маленькой прокламации после ареста Богохолец, Преображенского и др. (Эту прокламацию я приведу дальше). Тогда мы не думали, что нам придется писать историю Ю.-Р. Р. С. Да и некогда тогда было останавливаться на фамилиях. Мы работали спешно, лихорадочно, зная, что наши дни сочтены. Меня знала масса людей по работе в Харькове, в Петербурге; каждый час меня могли узнать на улице. (В виду этого, я одно время ходила в Киеве в мужском костюме). Надо было торопиться укрепить союз, чтобы он не погиб с нашим арестом.

Собирались мы по вечерам за городом, в разных местах. На первых же собраниях наше предложение напечатать прокламации с требованиями рабочих, с угрозой казни начальника арсенала в случае не выполнения таковых, было принято единогласно. Один из железнодорожных рабочих, имевший знакомство в типографии, добыл немного шрифта, научился там же набирать,—и первая прокламация, самого первобытного вида (нехватало некоторых букв, знаков

Преинания, строки шли вкривь и вкось), вылетела из нашей примитивной типографии. Часть прокламаций тождественных была сделана на гектографе, а часть просто переписана от руки. Такие прокламации были посланы начальнику арсенала, расклеены в самом арсенале, на стенах домов в Киеве, разосланы по городам, где имелись связи наших рабочих с тамошними рабочими. В б. архиве департамента полиции имеется прокламация (см. приложения), напечатанная позже, но почти такого же содержания, как первая и вторая. Только в первых двух не ставился ультиматум и не назначался срок.

В ответ на третью прокламацию, некоторые требования рабочих были удовлетворены: рабочий день уменьшен на 2 часа, и увеличено время на опоздание на работу. Мы с Щедриным предлагали рабочим удовлетвориться этим на первый раз, но по их настоянию была заготовлена четвертая прокламация, в которой требовалось удовлетворение всех остальных требований. Эта последняя была отпечатана и выпущена два дня спустя после нашего ареста. Черновик ее был взят у нас при аресте.

Этот успех вызвал прилив рабочих в таком количестве, что мы не знали, где найти место для собраний. Рабочие указали нам Байкову рощу, недалеко от Киева. Обыкновенно часов в 11 вечера мы заходили вдвоем с Щедриным в одну квартиру, где меняли свой внешний вид, затем отправлялись на сходку. Нас встречала толпа. В темноте ночи мы вели беседы, пока не занималась заря. Усталые рабочие слушали жадно, не думая об отдыхе. Щедрин, легко сам воспламенявшийся, зажигал рабочих своими торопливыми, горящими словами. Остроумный, находчивый в ответах, он часто оживлял свою утомленную дневной работой аудиторию шуткой, меткой

¹⁾ См. приложения.

насмешкой. Он весь жил своей красочной речью, и аудитория напряженно жила вместе с ним. Один рабочий так характеризовал свое впечатление от Щедрина: «Он, как кнутом, хлещет словами,—сам не спохватишься, как побежишь, куда он зовет». Щедрин не был влюблен в народ, как были влюблены многие семидесятники, не создавал себе фетиша из народа. Несмотря на свою молодость (ему было 23 года, когда он судился и когда кончилась его жизнь на воле), он ясно видел все дефекты, но всегда весело, бодро шел на всякую опасность за дело освобождения народа

Рабочих, группировавшихся подле нас в то время, было около семисот; мы делили их на группы, которые по очереди приходили в разные дни недели. Таким образом, с каждой группой мы виделись только раз в неделю. Редко бывало на сходке менее 100 человек. По тогдашним временам эта цифра была огромна. Беседы велись без всякой программы, всегда на какую-нибудь злобу дня, и тут же по пути излагались теоретические положения. Мы не останавливались на описании общего тяжелого положения рабочих и крестьян,—оно и без нас им было хорошо известно. Приходилось только связывать его с общим существующим строем, а затем использовать каждый частный случай недовольства.

Несмотря на такой успех, трудно было нам бороться с воспитанной веками пассивностью. Выслушав нас внимательно, многие говорили нам, что все это сделается как-то без них. В соответствии со степенью развития, каждый мыслил об этом по-иному. Наиболее развитые думали, что какой-то революционный комитет отберет землю у помещиков для крестьян; другие говорили, что царь, уничтоживший крепостничество, уже борется с дворянами, чтобы

отнять у них землю и передать народу. Слышившие о Чигиринском деле верили, что это были настоящие царские комиссары, но дворяне схватили их и убили. Были и такие, которым «доподлинно известно», что иностранные державы (какие, это им не было известно) хлопочут о том, чтобы облагодетельствовать русский простой народ. Самые неразвитые, даже молодые, с глубокой верой рассказывали, что уже «начались видения»; к их священнику являлась богородица и говорила: «Молитесь, скоро настанет день радости». Верили в старцев, определенно назначавших день, в который «все перевернется и все бедные возликуют». Двое из таких верующих потом стали усердными нашими помощниками в расклейке и разбрасывании прокламаций. Наша главная задача была — вызвать инициативу у рабочих, добиться, чтобы они сами взяли в свои руки свое дело.

С киевскими революционерами из интеллигенции у нас установились такие отношения: во многих делах мы работали вместе, но не посвящали их в наши ночные собрания рабочих, не вводили их в центральный кружок союза, боясь их принципиальной неконспиративности. На всякую предосторожность они смотрели, как на трусость. Самый выдающийся из них, Павел Иванов, человек смелый, решительный, с большой инициативой, хороший организатор, умевший сходиться легко с людьми всяких положений, был до того неконспиративен, что незнавшему его близко мог показаться даже подозрительным. Он негодовал, когда я говорила, что ему, нелегальному, за которым явно следили шпионы, невозможно в красной косоворотке, с волосами до плеч, расхаживать с нашими рабочими днем по улицам Киева. «То вы, птицы, бережете себя», — с'язвил он мне в ответ.

Завидев шпиона на улице, он показывал ему кулак, шпион скрывался за угол, а Павел продолжал свою дорогу, не думая замечать свои следы.

В промежутке между первой и второй прокламациями, адресованными начальнику арсенала Коробкову, мы выпустили еще листки: «Зверская расправа над заключенными» и «Суд над социалистами». Арсенальные прокламации писались нами сообща с рабочими, вошедшими в центр Ю.-Р. Р. С., при чем мы только помогали формулировать их мысли, стараясь оставлять их собственные выражения, не сглаживая шероховатостей стиля, чтобы начальству арсенала и самим рабочим видно было, что это писано рабочими. «Зверская расправа» написана Щедриным, «Суд над социалистами»—мною.

Киевские украинофилы выписали для себя типографию из-за границы; часть ее была арестована по дороге, часть уцелела. Дела их пошли плохо; они не знали, куда ее девать, боялись держать у себя. Мы воспользовались этим случаем и взяли типографию у них, присоединив к ней оставшуюся от предыдущего кружка (кружка Попова). Таким образом, у нас образовалась уже настоящая типография, в которой мы печатали листовки: «Конституция ничего не даст народу» (написано мною), «Как борются ирландцы за свою свободу» (Щедриным), «Что такое Интернационал» (мною)—этих листовок мне не удалось теперь найти,—«Наша программа» (мною вместе с Щедриным), «Ко всем честным людям» (написана и напечатана самостоятельно П. Ивановым без нашего согласия).

Как-то раз, прия в Байкову рощу для свидания с двумя нашими рабочими, я увидела с ними еще двух незнакомых, которых наши отрекомендовали мне, как рабочих народовольцев, очень интересующихся

нашим союзом. Лица новых рабочих были симпатичны, внушали доверие. Поговорив с ними часа два, я была удивлена их полной невинностью в знании программы «Народной Воли» и вообще каких-либо программ. Опять та же история: в их представлении «Народная Воля»—сильная партия, которая готовит для рабочих, вообще, для бедных, великие, богатые милости, которые и преподнесет им. На мой вопрос, зачем же в таком случае существует их кружок рабочих, ответили: «На случай, если понадобится исполнить какое поручение».—«Почему же вы народовольцы, а не чернопередельцы?»—«С нами познакомился студент народоволец и присоединил к «Народной Воле». Прощаясь со мной, один из них сказал: «Ваша программа для нас самая подходящая».

Дня через два Павел Иванов сообщает мне: «Народовольцы возмущены, что вы переманиваете их рабочих».—«Раз мы убеждены в правильности нашей программы, естественно, должны ее пропагандировать»,—вразумила я. Вечером того же дня народоволец Левинский просил меня назначить ему свидание. Мы условились. На свидание он пришел еще с другим народовольцем, фамилию которого не помню. Долго я убеждала их, что никакая партия не может иметь монополию на рабочих и ни о каких претензиях не может быть речи. В конце нашей беседы Левинский просил еще поговорить обстоятельнее,—может, мы и сойдемся. Он получил приказ от «Народной Воли» присоединить Ю.-Р. Р. С. к «Н. В.». Заявление было очень наивно. Тем не менее я согласилась пойти на собрание, при чем настаивала, чтобы на этом собрании было несколько рабочих от нас и от народовольцев. Левинский решительно отказался: «Рабочие, если будут арестованы, все выдадут». Я была уверена в них, но настаивать было дольше трудно. На собрание

пришли я и Павел Иванов. Народовольцы убеждали нас отказаться от экономического террора, мотивируя тем, что такой террор отгоняет от них всех либералов, сочувствующих, которые помогают деньгами и связями. При нашей программе такой довод для нас был совсем неубедителен. На этом закончились наши переговоры с киевской группой народовольцев.

Когда были отпечатаны прокламации, листовки и программа, решено было завести связи с другими городами. С этой целью, захватив с собою нашу литературу, рабочий арсенала Васильев, хороший природный оратор, уехал в Ростов-на-Дону. В Кременчуг поехал наборщик типографии, помещавшейся на Крещатике. Я повезла литературу в Одессу рабочему, к которому у меня была рекомендация из Киева. Квартира этого рабочего оказалась под наблюдением, и мне с большим трудом удалось ускользнуть от преследовавшего меня шпиона. Оставаться в Одессе было неудобно, а поэтому, сдав прокламации Майеру, ходившему под кличкой «Яни», я вернулась в Киев.

На ряду с нашей главной деятельностью среди рабочих, мы принялись за устройство побега из киевской тюрьмы Мих. Попову, Игнатию Иванову и Юрковскому («Сашка-инженер»). Нужны были деньги, которых мы не имели. Павел Иванов предложил мне с'ездить в Крым к отцу погибшего Поликарпова, который, по словам Павла, наверное, окажет помощь товарищам сына. Я колебалась,—большинство родителей того времени всегда видели причину гибели своих детей во вредном влиянии на них революционеров. Ехать к старикам, не успевшим еще пережить недавнюю трагическую смерть любимого сына, ехать просить у них денег, чтобы спасти каких-то неизвестных им,

быть может, в их представлении, людей, стубивших сына,—было крайне неприятно. Однако, так как других источников у нас не было, а троим—Попову, Игн. Иванову и Юрковскому—грозила смертная казнь, пришлось решиться.

День клонился к вечеру, когда я сошла с поезда на маленькой станции, не доехав до Симферополя. С тяжелым чувством направилась я по указанной мне заранее дороге. Пустынно. Издали долетают звуныевые звуки татарской песни. Мрачнее становилось на душе. Я ускорила шаги: так хотелось скорее сбросить с души эту тяжелую ношу. Вдали, на небольшом возвышении, показался маленький беленький домик, окруженный виноградниками. На крылечке стояла женщина, внимательно всматривавшаяся в мою сторону. На загорелом, спокойном, твердом лице женщины лет 45 лежал отпечаток недавно пережитого горя. Появившиеся слезинки в глазах быстро спрятались. «Мы вас ждем».—Я не знала, что они были предупреждены.—«Сейчас позову мужа». Она ввела меня в маленькое зальце с низким потолком, чисто выбеленными стенами, простою деревянною мебелью. Через несколько минут вошел высокий старик с просьдью. Он, видимо, старался держаться прямо, как бы не желая согнуться под тяжестью горя. Глаза избегали встречаться с моим взглядом. То же спокойствие, та же твердость. «Едем немедля в Симферополь,—у меня сейчас нет денег, но там я перехвачу у кого-нибудь; завтра же вы сможете вернуться в Киев». Быстрой походкой направился Поликарпов со мной к станции. В тот же вечер я получила от него 1000 рублей и с первым же поездом уже ехала обратно в Киев.

Побег был совсем наложен, как вдруг, неизвестно по какой причине, порядки в тюрьме изменились,

и побег стал неосуществим. Тогда мы приписали это измене человека, который соглашался помочь вывезти заключенных в бочках; позже ему же приписывали мой арест и арест Щедрина. Теперь, работая в архиве бывшего III отделения, я нашла настоящего виновника провала побега, а потом и нашего ареста.

В то время, как развертывался рабочий союз, за кулисами шла другая работа,—работа жандармов.

В кругах киевских украинофилов вращался Ярослав Герасимович Пиотровский¹⁾, носивший кличку «Пан». В этих кругах «Пан» познакомился с Павлом Ивановым и внушил ему доверие. 20 февраля 80 г. «Пан», переправляя через границу по дороге из Белграда в Измаил типографию для украинофилов, был арестован. 18 марта 80 года, находясь в кишиневской тюрьме, Пиотровский пишет заявление Лорис-Меликову, в котором просит «разрешить написать ему важную вещь», но «вам только, и без предварительной тюремной цензуры...» «Умоляю ваше сиятельство не пренебречь настоящим делом, ибо я человек солидный, говорю истину и говорю искренно». По документам архива не видно, чтобы Пиотровский до своего ареста имел какое-либо прикосновение к тайной агентуре. Начальник киевского жандармского управления доносит III отделению: «Хотя Акимов (под этой фамилией «Пан» был арестован) заявляет, что был известен в киевском жандармском управлении под именем «Пана»,—это не верно: он нам не был известен», «он просит свидания с моим помощником Судейкиным...». «Судейкин был послан в Кишинев, но Акимов ничего важного не сообщил, а просил

выпустить его на волю, тогда он окажет нам пользу». Но его не выпустили. Затем Акимов пишет в III отделение, что он решил не давать им никаких показаний. Просит судить его; на суде он будет держаться, как революционер, чтобы приобрести в глазах революционеров доверие. Затем просит помочь ему бежать, и тогда он, имея большие связи заграницей, сможет многое открыть. В другом письме к Лорис-Меликову «Пан» говорит: «обе крайности, как революционеров, так и теперешнее государство, я одинаково не одобряю»; «две фракции революционеров: 1) Исполнительный Комитет, систематически вызывающий реакцию, проникнувшись утопиями терроризма и бунтарства; 2) народники «Земля и Воля». «Обе фракции держатся метода Каракозова, т. е. не допустить совершение переворота «сверху вниз», а вызывать революцию преднамеренно вызываемой ими реакцией». На это Судейкин пишет донесение: «Пиотровскому можно поверить, он, видимо, искренне готов помочь правительству в искоренении крайних террористических партий и в то же время не хочет говорить о тех, более умеренных, которым он сам, видимо, сочувствует, боясь, что правительство их арестует. Но постепенно он, получая все большее доверие к правительству, начинает становиться более откровенным».

По многим обращениям самого Пиотровского то к Лорис-Меликову, то к Судейкину и по донесениям в жандармское управление о нем видно, как он, не будучи провокатором вначале, начал опасную игру с жандармами в надежде выиграть себе свободу, не принося никому вреда, проигрывался, постепенно падая все ниже и ниже, дошел до предательства, а затем докатился и до провокаторства. В дальнейших донесениях Новицкого говорится: «Пиотровскому можно

¹⁾ Дело III отд., О шрифте, и Дело III отд., З экспед., № 787.

доверять; благодаря ему, был предупрежден готовившийся побег из тюрьмы Попова, Иванова и Юрковского». А еще позже, после ареста моего и Щедрина, Новицкий доносит: «благодаря Пиотровскому, удалось арестовать Щедрина и Ковальскую...». Из донесения Судейкина Новицкому: «Пиотровский предлагает типографию, которая сейчас находится у его матери, дать ему возможность передать какой-нибудь крайне левой революционной организации и, таким образом, получить возможность изловить всех наиболее важных революционеров». «Такая система наблюдения уже практиковалась по указанию вашему в Киеве и дала слишком очевидные результаты, чтобы не признать ее существенную пользу». «Пиотровский будет держаться на суде очень резко для того, чтобы вызвать доверие к себе революционеров, потом, после устроенного ему побега, он примет участие в каком-нибудь фиктивном террористическом акте; затем будет выслеживать и в России и в эмиграции. Трудность искоренения революционеров заключается в их децентрализации; когда революционеры будут централизованы, тогда, находясь в центре, легко вырывать все,—поэтому он и будет, войдя в их доверие, проповедывать централизацию». «Хотя планы Пиотровского могут показаться утопичными, но я, с своей стороны, признаю, что при осторожности и энергии они вполне выполнимы. Пиотровский искренно желает служить правительству».

Пиотровский спрашивает согласия Лорис-Меликова на его план действий,—только в таком случае Пиотровский будет на суде признавать за собой не сделанные (курсив наш—Е. К.) им преступления, чтобы поднять свой престиж в глазах революционеров, чтобы потом ударить на них в центре. Ответ

Лорис-Меликова на это мне не удалось найти в делах архива б. департамента полиции. Судейкин в донесении Новицкому находит удобным освободить Пиотровского, устроив ему фиктивный побег, что и приводится в исполнение.

«Пан» появляется снова в Киеве, окруженный ореолом нелегального, ловкого революционера, и снова заводит сношения с Павлом Ивановым. У некоторых киевлян появилось к нему недоверие, но Павел и слушать не хотел, когда его предостерегали,—даже после того, как о его провокаторстве были получены сведения из «Народной Воли». Хотя мы с Щедриным упорно избегали встречаться с Павлом, «Пану» несложно было добить сведения о нас, благодаря доверчивости Иванова. О дальнейшей деятельности «Пана» я скажу дальше.

Теперь возвращаюсь к нашей работе. В Сквицком уезде Киевской губернии помещик местечка Ходоровка, Левандовский, много лет вел тяжбу с крестьянами чиншевиками, жившими на его земле¹⁾. Эта тяжба в конец разорила чиншевиков. Один рабочий арсенала из семьи чиншевиков Ходоровки, вошедший в союз, предложил сорганизовать там террор. Были отпечатаны воззвания к чиншевикам, в которых советовали им не тратить средств и сил на бесплодные тяжбы, а расправиться с самим Левандовским, в случае его отказа прекратить тяжбу. Было напечатано письмо Левандовскому с требованиями чиншевиков под угрозой казни от имени Ю.-Р. Р. С. (на прокламациях к крестьянам прибавлялось «Земля и Воля» в виде подзаголовка). С этими прокламациями рабочий уехал в Ходоровку. Пробыв там около двух недель, он возвратился с такими сведениями: несколько

1) Чиншевики — крестьяне, мелкие арендаторы.

молодых чиншёвиков, которых он знал с детства, люди вполне надежные, отнеслись очень сочувственно, согласились выполнить, если понадобится, террористический акт. Письмо же Левандовскому не было доставлено потому, что он выехал из имения, и местопребывание его не было известно. Впоследствии, после ареста моего и Щедрина, это дело приняло несколько другой характер. Об этом я скажу дальше.

Поле действия у нас ширилось, но требовались материальные средства. Привезенная от Поликарпова тысяча рублей была конспиративно передана на руки Попову, Иванову, Юрковскому для побега, если представится случай. Готовились начать рабочую газету, надо было отправлять людей в другие места,— денег нет. Все наши ресурсы ограничивались небольшими суммами, которые я в это время конспиративно получала от моей матери на мою жизнь. О заработках, находясь в положении травленых зверей, не могло быть и речи. Рабочие сами решили устроить кассу для дел союза, в которую регулярно делали небольшие взносы, но это были гроши сравнительно с расходами. Готовился акт, в котором соединялся террор экономический с политическим: было послано угрожающее письмо Черткову, как генерал-губернатору и как помещику, которым были недовольны крестьяне. Выполнение брал на себя Щедрин. Слежка за мною и Щедриным все усиливалась, нам становилось почти невозможно встречаться с рабочими. Приходилось менять квартиры, паспорта, ночевать даже в лодке на Днепре. Везде нас преследовала слежка, надо было переехать в другой город, но не было денег.

Первым юридическим поводом, чтобы начать дело о Ю.-Р. Р. С. послужило следующее обстоятельство. Прокламации союза рассыпались и по почте в закрытых конвертах сочувствующим рабочим. Случайно

один из таких конвертов попал не по адресу. Вот как об этом пишет в рапорте министру юстиции прокурор киевской палаты Загоскин от 15 сентября 1880 г. (передаю в сокращении): «В корреспонденции, сданной 2 сентября почтальоном в контору жел.-дор. мастерских станции Киев I, оказался конверт, адресованный слесарю Якову Хреновскому; по ошибке он был передан слесарю, рядовому Яну Кшановскому; при распечатании последним конверта в нем оказалось печатанное об'явление от Ю.-Р. Р. С. инспектору арсеналов с печатью упомянутого союза, отпечатанное в Юж.-рус. вольной типографии от 17 августа 80 г.». Кшановский передал прокламацию в контору, отсюда она, переходя по инстанциям, дошла до прокурора. «По возвращении моем в Киев,— говорит далее в рапорте Загоскин,— 7 сентября, при личном об'яснении нач. ж. у. сообщил мне: «что хотя он и имеет сведения о существовании в Киеве тайной ручной летучей типографии, где отпечатаны, кроме вышеозначенного объявления от Ю.-Р. Р. С., еще две пред'явленные мне брошюры: «Зверская расправа над политическими заключенными 8 июля 80 г.» и «Суд над социалистами в Киеве 14 июля», но находит преждевременным теперь же приступить к формальному дознанию, так как, по сведениям, добытым путем негласных наблюдений, не выяснились еще с достоверностью из числа заподозренных лиц те, которые могли бы быть обвиняемыми, и что при таком положении привлечение к допросу кого-либо из подозреваемых или безуспешное производство обыска, предупредив других, повредит обнаружению виновных...». «По этим соображениям начальник жандармского управления просил моего разрешения пока ограничиться продолжением розысков...». «Вследствие этого, при участии товарища моего Качукова,

7 сентября составлено постановление о том, чтобы в настоящее время ограничиться негласным расследованием со стороны жандармского управления и приступить к дознанию лишь тогда, когда будут обнаружены обстоятельства, дающие основания к обвинению кого-либо в печатании и распространении вышеупомянутых об'явлений¹⁾.

21 октября 1880 г. начальник киевского жандармского управления полковник Новицкий посыпает в департамент полиции следующее донесение²⁾:

«Представляя копию программы «Южного рабочего союза», распространяемой революционной партией в среде рабочих, имею честь донести, что подлинник возвращен агенту, который доставил его вверенному мне управлению. Программа эта пользуется в революционной среде большой популярностью и приобретает значительное число последователей между молодежью и рабочими».

«Агентурные сведения и наблюдение жандармских унтер-офицеров дали указание, что после ареста руководителей киевского преступного кружка, Попова и Иванова, летом нынешнего года в Киеве появилось два новых агитатора, которые начали группировать подле себя новую партию, к которой примкнули проживавшие в Киеве нелегальные члены сообщества и рабочие. Эти два лица стали во главе партии, при чем ни один из них не имел постоянной квартиры, а скрывались у различных лиц. Спустя некоторое время, один из них оставил Киев³⁾, другой же про-

1) Дело б. министерства юстиции, № 8578.

2) Д ло III отд., З эксп., № 787.

3) Этим агитатором была я, ходившая в это время в мужском костюме. Я не оставила Киева, а, надев женский костюм, поселилась с Щедриным под видом его жены под фамилией Черногоровых.

должает организацией партии, где он и известен под именем «Рыжего», и, как было установлено агентурными сведениями и наблюдением жандармов, нанял квартиру по Жилянской улице, в доме № 32, предъявив документ на имя дворянина Черногорова. С ним вместе начала проживать и неизвестная женщина, выдаваемая им за свою жену. Хотя по собранным справкам оказалось, что предъявленные на имя Черногорова и жены его документы оказались подложными, но неимение положительных данных его преступности, т.-е. таких данных, которые могли бы быть предъявлены суду уликами преступной деятельности этого человека, останавливало мое распоряжение об его аресте; затем, именовавшийся Черногоровым оставил свою квартиру в доме № 32, отметившись выбывшим в Москву, но знаяшие его в лицо жандармы обнаружили, что он продолжает жить в Киеве, и поэтому были приняты меры к открытию его квартиры, что значительное время не удавалось вследствие крайней Черногорова осторожности, лишавшей всякой возможности следить за ним. Но недавно унтер-офицер вверенного мне управления Павел Грицул после долгих усилий обнаружил квартиру Черногорова, которая оказалась на Мало-Подвальной улице в доме № 15, где именовавшийся Черногоровым проживает с той же женщиной, но по подложным свидетельствам на имя Алексея и Елизаветы Лесковых. Рядом с этим агентура принесла положительные сведения, что составитель и главный распространитель как прилагаемой в копии программы бунта рабочих, так и прежде появившихся в Киеве прокламаций есть этот «Рыжий», а так как последняя программа приобретает значительное число агентов, я считаю необходимым арестовать Лескова—«Рыжего» и живущую с ним женщину, но решительность и энергичность этих

лиц дает основание предполагать возможность вооруженного сопротивления, а главное, уничтожения вещественных доказательств, если они арестованы будут в своей квартире, в видах чего я решил задержать их на этих днях на улице, поручив помощнику моему, капитану Судейкину, привести это в исполнение через жандармских унтер-офицеров. О результате донесу дополнительно»¹⁾.

Мы никогда не расставались с револьверами на случай ареста. 22 октября, собираясь в библиотеку, находившуюся через один дом от нас, я взялась за револьвер; Щедрин остановил меня: «Не стоит таскать револьверы, выходя на пять минут». Я неохотно положила его на стол. Едва мы вышли из ворот нашего дома, как на нас набросилось несколько человек. Мы сопротивлялись безоружные, желая продлить борьбу, в надежде, что проходящая публика разнесет весть об аресте по городу, и она дойдет скорее до наших и заставит их принять меры, чтобы никто не попал в ловушку. Мы достигли цели,—в тот же вечер товарищи уже знали об аресте. Кроме нас двоих, никто не был арестован. В Старо-Киевском участке, куда нас привезли, мы были встречены помощником Новицкого, Скандраковым, как давно ожидаемые, приятные гости. Нас ввели в отдельную комнату, оставив только вдвоем, в расчете, что мы в такой момент что-нибудь сболтнем друг другу. Мы молчали. Арестовав рано утром, жандармы нас продержали там до вечера. В сумерки нам принесли хороший обед с вином. Скандрakov, с видом любезного хозяина, усердно приглашал нас подкрепиться. Мы отказались.—«Почему вам не назвать настоящие фамилии, ведь мы

¹⁾ Дело III отд., З эксп., № 787. Под фамилией Лесковых проживали Щедрин и я.

все равно скоро узнаем?».—«Узнавайте»,—ответили мы. Нас разместили по камерам при участке.

После нашего ареста в рапорте департаменту полиции от 24 октября Новицкий пишет: «Вещественные доказательства вполне уличают Лесковых в том, что они были руководителями образовавшегося в Киеве за последние месяцы отделения «Южно-русского рабочего союза»¹⁾, составляли обращения к рабочим и начальству арсенала».

«Лица, составлявшие этот «союз», в большинстве известны вверенному мне управлению и наблюдающим за ними жандармам, но квартиры некоторых из них еще не установлены; в «союз» этот входят представители от арсенальных рабочих и железнодорожных и лица, агитирующие в среде мастеровых и рабочих, но арестовывать их я считаю преждевременным, ввиду обнаружения типографского станка, местонахождение которого пока еще неизвестно, и нецелесообразным, ввиду многочисленности арестов, которые бы пришлось произвести над лицами, которых весьма тяжело и почти невозможно уличить юридическими данными в государственном преступлении, а потому и признано было необходимым произвести арест местного руководителя «союза», составителя-редактора прокламаций, Лескова, который вещественными доказательствами обвиняется в принадлежности к преступному сообществу и в составлении и распространении печатных прокламаций, возбуждающих к бунту и неповиновению властям. Арест Лесковых, как главы в среде «союза», произвел подавляющее действие на прочих членов, за которыми установлено систематическое секретное наблюдение; между тем, секретно

¹⁾ Это не было отделение какого-то «союза», а самостоятельное возникший в Киеве Ю.-Р. Р. С.

дознано, что прокламации могут быть разосланы железнодорожному начальству, так как есть основание предположить, что они уже отпечатаны. Лесковы словесно заявляют, что, быть может, они впоследствии откроют настоящие свои звания и фамилии, а ныне не пожелали давать показания, касающиеся обстоятельств дела, но признали свою принадлежность к социальной партии и к фракции народников»¹⁾.

Прошло дня три после нашего ареста. Щедрина куда-то увели. Меня вызвали в канцелярию участка. Там, в отдельной комнате за столом, сидел Скандраков с господином в штатском. Порывшись в своем портфеле, Скандраков с торжествующим видом положил на стол фотографию. «Вам не знакома эта особа?»—обратился он ко мне. Это была моя фотография с надписью моего имени и фамилии. Я не стала отрицать. Господин в штатском (это был товарищ прокурора Качуков) приступил к допросу.

«Я—революционерка, социалистка. Никаких показаний по делу давать не буду».—«Но вы должны знать, что вам грозит очень, очень серьезное наказание»,—ответил мне прокурор.—«Все равно, что бы ни грозило».

Прокурор, вежливо раскланявшись со мною, ушел. Мы остались вдвоем со Скандраковым.

«Мы о вас очень многое знаем и по Харькову, и по Петербургу. Киев на военном положении. Это пахнет смертной казнью. Вы молоды, красивы, у вас вся жизнь впереди. Расскажите откровенно все, мы вас отправим заграницу, никто не узнает о ваших показаниях»,—обратился ко мне Скандраков. Я встала. «Распорядитесь увести меня в камеру, я не желаю

выслушивать ваши гнусные предложения». Меня увели обратно в камеру и после этого допроса оставили в покое.

Как-то поздно вечером, когда я уже собиралась лечь спать, дверь моей камеры открылась. Вошел высокий, плотный мужчина в жандармской форме. Интеллигентное, немного обрюзгшее лицо с крупными чертами, большие, смелые, умные глаза с выражением холодного равнодушия и чуть заметного презрения. Окинув быстрым взглядом камеру, делая вид, что обращается не ко мне, а в пространство, с недовольным видом он произнес: «Какая грязь, здесь нечем дышать». В маленькой, грязной, заплеванной, с голыми нарами, без признака какой-нибудь постели, каморке стоял сырой туман, пропитанный копотью маленькой керосиновой лампочки. «Но куда вас поместить?»,—обратился он уже ко мне,—«в тюрьме тиф, мы всех арестантов вывели, дезинфицируем, в крепости нет ни одной свободной камеры... Вы, революционеры, думаете, что мы нарочно создаем такие условия для вас... Не все, носящие синий мундир— ваши враги. Я сам считаю существующий строй в России пережившим себя. Изменения необходимы. Но вы вашей политикой только задерживаете естественный ход развития. Самоотверженно преданные делу народа, вы губите свои ценные силы, губите народ». («Хорошо поет собака, убедительно поет»,— подумала я с невольным страхом за наших молодых, еще не обстрелянных рабочих). В манере, тоне этого человека не было ни запугивания, ни слащавости Скандракова, было желание убедить противника, было уважение к чужому мнению. Не задавая мне ни одного вопроса, даже как будто не желая вырвать у меня какое-нибудь признание, он долго развивал идею постепенности, эволюции в ходе истории,

1) Дело III отд., 3 эксп., № 787.

ссылаясь на историю революций Запада, выказывая некоторую свою начитанность в этой области. Я была поражена таким жандармом и слушала его с интересом. Несомненно, он мог сильно действовать на людей неустойчивых, слабых. Как человек умный, наблюдательный, он понял скоро, что у меня он ничего не добьется. Раскланявшись вежливо, но ходячи, он больше ко мне не являлся. Это был Судейкин.

5-го ноября 1880 г. прокурор киевской палаты Загоскин доносил министру юстиции¹⁾: «При дознании Щедрин и Ковальская оба повторили сознание свое в принадлежности к социально-революционному сообществу, фракции так называемых народников. При осмотре найденных в квартире Щедрина и Ковальской записок, писем и других вещественных доказательств и при сличении их через экспертов с несомненно писанными рукой обвиняемых письмами и протоколами дознания оказалось: 1) что Щедрин и Ковальская составляли для рассылки программы деятельности преступного сообщества под названием «Южно-русского рабоч. союза»; 2) что те же Щедрин и Ковальская составляли черновые преступного содержания прокламации от Ю.-Р. Р. С. к начальству арсенала; 3) что прокламации эти были впоследствии изданы тайной, до сего времени необнаруженной типографией и распространяены между рабочими». «Дознание о них по Киеву окончено вполне. Но Щедрин и Ковальская, будучи привлечены в качестве обвиняемых к делу убийства в Петербурге агента Жаркова, отправляются, первая сегодня, а второй завтра, в распоряжение петербургского жандармского управления».

¹⁾ Дело б. мин. юстиции, № 8578.

Везли меня в Петербург в общем вагоне 3-го класса, в котором было много разных пассажиров. В пути какой-то упитанный с виду торговец или зажиточный крестьянин-кулак обратился к присутствующим с изъявлениями по адресу «социалистов», кивая на меня. Не успела я открыть рот для отпора, как вдруг неожиданно мой старший жандарм, человек лет 60-ти, с хорошим, честным лицом, совсем не подходящим к роли жандарма, порывисто встал с места и горячо, возмущенно вступил в полемику: «Это вы совсем напрасно, только по вашему невежеству так понимаете этих людей. Это хорошие, честные люди, они исполняют учение Христа, идут на мучения за народ, за правду». Все было сказано так искренно, так убедительно, что ни малейшей мысли о провокации у меня не явилось. Публика вся стала на его сторону и очень смело начала побивать кулака различными доводами. Когда все устали от спора, я спросила моего жандарма, откуда у него такие мнения и почему в таком случае он не бросает свою отвратительную службу. «Я ведь 30 лет был служителем в университете при анатомическом; сколько студентов-то перевидал. Самых лучших при мне арестовывали, много они мне рассказали, хорошие были люди. А поступил я в эту проклятую службу из-за нужды, — дочь и зять померли, остались маленькие внучата, есть просят, а чем их накормишь? Вот и пришлось сделаться жандармом».

Должна сказать, нигде в других местах не встречала я такого массового сочувствия к революционерам, какое на каждом шагу я видела в Киеве. Несмотря на большое количество рабочих, с которыми мы соприкасались (700—800 чел.), не нашлось ни одного доносчика, ни одного, который дал бы на следствии, суде какие-нибудь показания против нас.

Приходилось прятаться у людей самых разнообразных положений,—никто не выдавал. В этом, несомненно, сыграли огромную роль киевские революционеры своей подчас бесшабашной, открытой пропагандой. Часто встречала я традиции старых революционеров, оставивших по себе самые лучшие воспоминания в широких массах. Часто, подводя итоги деятельности того или другого кружка или лица, не видя непосредственных, осязательных результатов, сводят его работу на минус; но как утешь все круги, которые вызывает брошенный в воду камень?

В Петербурге меня и Щедрина задержали недолго. Как ни старался Добринский найти улики против нас в деле убийства Жаркова, содержатель гостиницы в Москве, где мы жили, доказывал наше *alibi*, а единственный свидетель Броневский, показывавший, что я снабжала оружием конвоировавших типографию «Черного Передела», отказался от своих показаний. Нас вернули в Киев.

Глава II.

После ареста моего и Щедрина руководство союзом перешло к Павлу Иванову, Софье Богомолец, Ивану Кашинцеву и Алексею Преображенскому. Рабочие были слишком мало подготовлены, чтобы самим продолжать эту работу союза без помощи интеллигенции.

П. Иванов, исключенный из киевского университета за участие в студенческих беспорядках, примкнул сначала к украинофилам, в качестве учителя вел пропаганду в деревне, но вскоре перешел на нелегальное положение вследствие доноса священника. Вернувшись в Киев, он вошел в работу с лицами, группировавшимися вокруг Мих. Р. Попова и Игнатия

Иванова. Это была смешанная группа из чернобыльцев и народовольцев. После разгрома этой организации Иванов примкнул к Ю.-Р. Р. С. Употребляю слово «примкнул», как наиболее подходящее в данном случае: Павло не входил вплотную ни в какую группу,—человек инициативный, болезненно оберегавший свою самостоятельность, не очень разбирающийся в программах, не хотевший разбираться, думавший, что «все дороги ведут в Рим», он не мог стать идейным руководителем союза. Ничем, что касалось теории, он не интересовался. Трудно было его поймать для обсуждения какого-нибудь программного вопроса. «Та ну вас, с вашими программами, лучше пойду к Буряку (настоящая фамилия одного рабочего члена союза)¹⁾, та потолкуем насчет квартиры для типографии», отмахивался Павло. Благодаря такому чисто практическому складу, он легко сходился с рабочими и вообще с людьми самых разнообразных положений. Вся практическая работа лежала почти исключительно на нем. Павло всегда мог добыть надежные адреса, конспиративные квартиры, ночлеги для нелегальных и т. п.

Софья Богомолец, бросившая медицинские курсы, чтобы уйти в народ, сначала работала, как пропагандистка, на Дону, в деревне, но по тем же общим условиям сыска вскоре вынуждена была вернуться в город, жила в Харькове, а затем в Киеве, где начала работать с Ю.-Р. Р. С., не входя в союз. Много читавшая, интенсивно жившая умственно, с большой склонностью к парадоксальности, но с определенными взглядами «народницы», с большим, ярким темпера-

¹⁾) В 1882 г. Буряк был сослан административно в Каховскую крепость, потом носил двойную фамилию — Буряк-Жуковский.

мёнтом фанатика, нётерпимостью к инакомыслящим, она была в этот период умственной силой союза.

Алексей Преображенский был приобщен мною к революционному движению в 77 г. Зимою 78 и 79 г. он был в кружке, организованном мною в Харькове из учащейся молодежи, кружке «направления» «Земли и Воли», но не входившем в «партию»¹⁾.

В 79 г. Преображенский принял некоторое участие в деле убийства харьковского губернатора Кропоткина. Благодаря откровенным показаниям Гольденберга, назвавшего, между прочим, и Преображенского, ему пришлось сделаться нелегальным. В Киеве в том же году он вошел в группу Попова, а после ее разгрома уехал в Кременчуг. После ареста моего и Щедрина, в декабре того же года он вернулся в Киев и занялся работой в типографии Ю.-Р. Р. С.

¹⁾ Об этом кружке (в деле деп. пол. № 188, ч. 3-я) говорится: «В начале 79 г. (неверно,—зимою 78 и 79 г. Е. К.) Елизавета Ковальская, по поручению существовавшего в Петербурге тайного социалистического революционного кружка (я в это время не принадлежала ни к какой организации и самостоятельно организовала в Харькове один кружок из рабочих завода Рыжова, другой из учащейся молодежи. Е. К.), приехала в Харьков для образования из местной учащейся молодежи особого преступного кружка, путем распространения социально-революционных учений. Кружок Ковальской имел свою кассу. Поселившись с Алексеем Преображенским и Дмитрием Буцинским, Ковальская начала устраивать сходки, читала и распространяла запрещенные книги, раздавала газеты «Земля и Воля» и другие издания революционного содержания. На этих сходках принимал участие, между прочим, Сыцянко (сын профессора) и др., судившиеся затем в харьковском военно-окружном суде, а равно и Кашинцев... Ковальская, Буцинский и Преображенский успели скрыться до производства у них обыска».

Многие, судившиеся в Харькове по этому процессу, не входили в кружок, организованный мною; таковы были: Геер, Кузнецов, Блинов, Богуславский, Маныч.

Иван Кашинцев сначала вступил в харьковский кружок, затем, сделавшись нелегальным, тоже вошел в работу союза в Киеве. Владея пером, он составлял лекции для рабочих, подготовил несколько брошюр для печати, но все это было взято при аресте до напечатания.

М. Присецкая, юная годами, еще более юная девушкой, безгранично самоотверженная, беззаветно преданная делу революции, всюду вносила обаяние своей душевной чистоты. Стремительно-деятельная, она поднимала настроение окружающих. Ее работа бывала очень разнообразна: она разносila прокламации, привлекала рабочих, работала в типографии.

О дальнейшей истории «Союза» я буду говорить со слов этих новых руководителей и, главным образом, по архивным документам.

Спустя два дня после нашего ареста, «Союз» выпустил 4-ю прокламацию — письмо к арсенальному начальству; оно было написано еще нами, и черновик взят при нашем аресте (см. приложения). Благодаря нашей крайней конспиративности, никто из рабочих не пострадал после ареста моего и Щедрина, но зато связи со многими порвались, и нашим заместителям пришлось много поработать, чтобы разыскать членов Союза и возобновить с ними связь. Богомолец и Кашинцев и ранее не совсем сходились с нами взглядами, а после нашего ареста несколько изменили и программу (см. приложения). Мы с Щедриным верили в возможность революции и в близком будущем и находили, что пропаганда в народе в широких размерах немыслима, нам это казалось ложкой черпать море. Они не верили в близость революции, как видно из программы, и выдвигали на первый план пропаганду. Получив их программу в тюрьме, мы ответили, что во многом несогласны с нею, особенно

нам не понравился последний ее пункт, крайне распливчательный, дававший доступ в Союз людям, «которые, каковы бы они ни были по своим политическим и прочим убеждениям, сохраняют в своем сердце любовь к обездоленному народу»¹⁾.

Редакция нашей первой программы приспособлялась к пониманию малоразвитых рабочих, вторая была написана малопонятно для людей неподготовленных.

Работа Союза этого периода (от нашего ареста до ареста Преображенского, Богомолец, Кашинцева и Присецкой—от 22 октября 80 г. до 4 января 81 г.) состояла, главным образом, в расширении связей с рабочими Киева и других городов и организации рабочих в кружки. Кашинцев читал лекции в этих кружках по политической экономии и по истории. Готовилась казнь Коробкова, вследствие невыполнения остальных требований рабочих. Были уже отпечатаны прокламации, в которых говорилось об этом, как о совершившемся факте.

Среди железнодорожных рабочих начинались волнения. Но киевские жандармы не дремали.

8 декабря 1880 г. Новицкий доносит директору департамента полиции о том, что, по достоверным сведениям, Преображенский, привлекавшийся по делу об убийстве харьков. губернатора Кропоткина и принимавший участие в революционной организации (21 чел.), осужденный этим летом в Киеве, снова появился в Киеве, и спрашивает: нужно ли держаться обычного метода выслеживания или немедленно арестовать Преображенского, при чем указывает на то, что его система дает возможность наметить новых преступных лиц, прибавляя: «общественное мнение,

весыма чуткое ко всякому неправильному аресту, в течение 1½ лет моего пребывания в Киеве не только не было раздражено, несмотря на массу заарестованных, но, напротив, судя по бывшим отзывам, относится с полным доверием к жандармским чинам, видя в их действиях строгую, логическую последовательность»¹⁾. 16 декабря 1880 г. Лорис-Меликов делает об этом доклад «его величеству».

В ответ на это Новицкому по телеграфу предложено продолжать следить, прибегнуть к аресту лишь в том случае, если будет представляться основательное опасение, что столь важное лицо может скрыться.

Новицкий агентурным путем узнает о намерении Преображенского уехать из Киева, а потому 4 января по распоряжению Новицкого был произведен на улице арест Преображенского, Богомолец, Кашинцева и Присецкой.

В телеграмме Новицкого директору деп. пол. говорится: «Задержаны два мужчины, — упоминаемые в донесении Воронов²⁾ и неизвестный, именующийся Ананьевым, и две женщины; из коих Воронов, Ананьев и одна женщина отказались об'явить фамилии, давать показания; другая же женщина заявила, что она—Мария Николаевна Присецкая, от показаний отказалась; обыском найдено 122 экз. вновь отпечатанных прокламаций рабочего союза по поводу предполагавшегося убийства артиллерийского полковника Коробкова, о чем предупреждался мною словесно генерал-губернатор ранее, револьверы, кинжалы, топоры, программы рабочего международного союза, канцелярия фабрикации фальшивых видов, до двадцати

¹⁾ Этот последний пункт был внесен по настоянию Иванова; Богомолец очень протестовала против него.

²⁾ Дело III отделения, 3 экспед., № 787.

Под этой фамилией был Преображенский.

печатей, подложные документы и некоторые принадлежности типографии, небольшое количество типографского шрифта, брошюры...». «По агентурным сведениям, прихожу более чем когда-либо к убеждению, что Воронов есть Преображенский, неизвестная женщина есть жена елизаветградского врача Богомолец, сестра Присецких; именующийся Ананьевым неизвестен»¹⁾.

По поводу этого ареста в том же III отд. З эксп. № 787 имеется интересное письмо.

19 января 1881 г. Новицкий, прочтя в газете «Новое Время» от 13 января 1881 г. статью «Сенаторская ревизия в Киеве», в которой говорится о странном совпадении ареста революционеров с посадкой прошения ген.-губернатором Чертковым об отставке (и то и другое произошло в один день—4 января), в длинном письме в департамент полиции оправдывается, что он медлил с арестом по распоряжению выше, что «совпадение чисто случайное».

Нельзя, конечно, утверждать, но можно предположить, что Чертков, получивший уже до этого два угрожающих письма от Ю.-Р. Р. С., в виду возможности предстоящего ему подписания нового смертного приговора, решил благоразумно уйти в отставку. На такое предположение наводит та поспешность, которую проявил заместитель Черткова Дрентельн, обратившийся к мин. вн. дел Игнатьеву заранее, когда наш суд еще не начался, с запросом: имеет ли он право, согласно высочайшему распоряжению, как ген.-губернатор, заменить, в случае возможных предстоящих смертных приговоров по начинаящемуся процессу, смертные казни каторгой. Этую любопытную переписку подробно я приведу далее, когда буду говорить о нашем суде.

¹⁾ Под этой фамилией был Кашинцев.

12 января 1881 г., киевский губернатор, изложив содержание программы (2-й, взятой у Богомолец—см. приложения) доносит департаменту полиции: неизвестный автор весьма больших писем, извещенный об издании в Киеве революционного органа, начинает свое пространное послание такими восклицаниями: «Как? Что такое? У нас в Киеве революционное издание? Кто такие сии дерзновенные, осмеливающиеся печатать бунтарскую газету, несмотря на то, что почти к каждому обывателю приставлено по городовому?» Это дает картину, при каких условиях приходилось работать.

Далее губернатор перечисляет взятое при аресте: подготовленные рукописные статьи для печатания в киевской бунтарской газете, с отметкою, что печатано в киевской еженедельной вольной типографии (курсив наш.—Е. К.), озаглавленные: а) обществу от социалистов-революционеров, б) основной принцип партии—революция для народа и при участии народа («Писана, несомненно, рукою арестованного 22 октября 1881 г. в Киеве Щедрина»), устав общества Южно-русских рабочих (народное освобождение) с изложением: цели, средств, организации общества, администрации, условий принятия в члены, прав и обязанностей последних. Рукопись, предназначавшаяся для печатания, озаглавленная: «Почему необходимо на юге издание революционного органа с программой предполагаемого органа». Заглавие органа «Братство». Ничего из перечисленного найти в архиве мне не удалось.

В докладе¹⁾, составленном для директора деп. пол. о лицах, арестованных 4 января, между прочим, говорится: «при этом губернатор (Гессе — Е. К.)

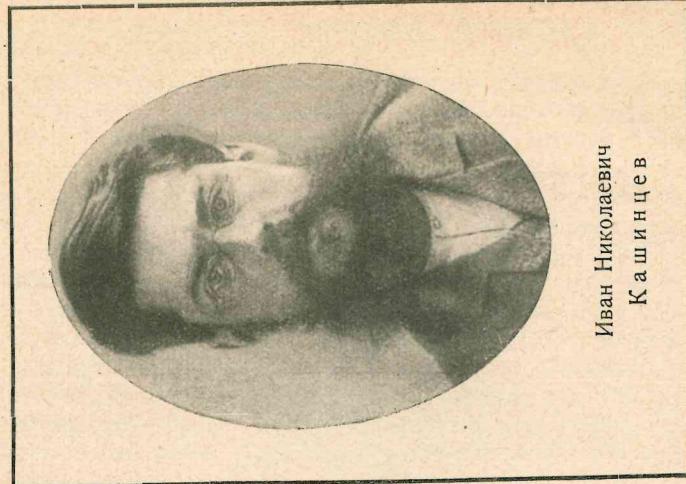
¹⁾ Дело III отд., З эксп., № 787.

присовокупляёт, что письма, найденные у Присецкой, не могут служить юридическою уликою против нее, а потому она, если только к ней не будет применена административная мера взыскания, подлежит освобождению. Равным образом, и по отношению к Преображенскому придется, по мнению губернатора, применить административный порядок, если только не представится возможность связать дело о нем с делом задержанных в Киеве Щедрина и Ковальской, задержанных несколько ранее сего также спрекламациями Южного союза рабочих, или передать для производства дознания в Харькове; проживание же его разновременно в Киеве по 4 подложным документам хотя и будет несомненно доказано, но отсутствие положительных данных к изобличению его в революционной деятельности лишит возможности поставить его на суд¹⁾.

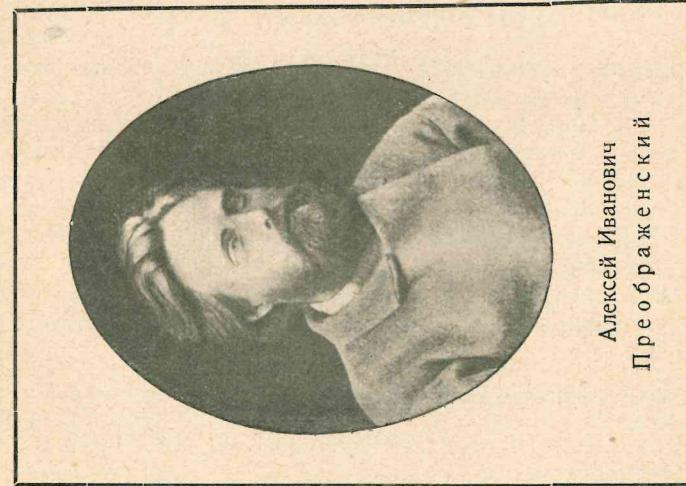
Кроме сего, губернатор сообщает, что произведенные в Киеве аресты Щедрина и Ковальской, а затем упомянутых выше 4-х лиц произвели деморализующее впечатление на членов Южного рабочего союза. Первоначально деятельность этого союза должна была приостановиться в Киеве, благодаря аресту Щедрина, бывшего главным руководителем его. В настоящее время, когда все уже было подготовлено к убийству полковника Коробкова и даже отпечатаны по этому случаю найденные у Богомолец прокламации, план союза не удался вследствие ареста упомянутых 4-х лиц²⁾, в особенности же Ананьева, у которого был

¹⁾ Это не помешало все же вынести ему смертный приговор. Е. К.

²⁾ По словам рабочего Александра Доллера, убийство Коробкова было отложено по настоянию рабочих Союза, боявшихся, что этот террористический акт повлечет жестокие приговоры всем нам, арестованным.

Иван Николаевич
Кашинцев

Алексей Иванович
Преображенский

склад подложных видов и который был автором лекций предназначенные для подготовки рабочих ко вступлению в союз».

Далее, в том же докладе говорится, по сообщению губернатора, что задержанные под фамилиями Шатилова и Ананьева открыли свои фамилии: первый оказался Преображенским, второй Кащинцевым. Там же: «из дел департамента усматривается, что Еогомолец по распоряжению временного генерал-губернатора была выслана в 79 г., вследствие политической неблагонадежности, из Харькова в Полтавскую губернию с учреждением за нею негласного надзора». Там же: «вследствие заявления содержащейся в Москве дочери статского советника Александровой¹⁾ о принадлежности Присецкой к партии социалистов и участии ее в сборе денег (в 78 г.) на издание листка «Земля и Воля», она отдана была под строгое негласное наблюдение».

21 марта 1881 г. Лорис-Меликов препроводил министру юстиции Набокову следующее резюме дознания²⁾:

«В начале января сего года задержаны в Киеве бывшие студенты харьковского университета Алексей Иванов Преображенский и Иван Николаев Кащинцев, жена врача Софья Богомолец и девица Мария Присецкая; при обыске у них найдены: у Преображенского—типографская касса в разобранном виде, краски и клей, у Кащинцева—фальшивые печати и разный материал для подделки подложных паспортов, у Богомолец—122 экземпляра печатных прокламаций Южного рабочего союза по поводу предполагавшегося

¹⁾ В другом документе: «Евгении Александровой». Дело III отд., 3 эксп., № 787.

²⁾ Дело б. мин. юстиции, № 8578.

убийства командующего киевским мѣстным арсеналом полковника Коробкова, экземпляры подпольных изданий, рукописные прокламации, кинжалы, револьверы, топоры и бывший в употреблении типографский шрифт, и у девицы Марии Николаевой Присецкой—программа рабочих членов партии «Народной Воли», новая рукописная программа действий народников-революционеров и шифрованные письма.

Дознание об упомянутых лицах производством окончено, и так как оно имеет тесную связь с произведенным дознанием о задержанных в г. Киеве 22 октября 1880 г. сыне инженер-майора Николае Щедрине и жене дворянина Елизавете Ковальской, а потому дознания эти соединены и переданы киевским губернским жандармским управлением прокурору киевской судебной палаты для дальнейшего направления, в порядке, установленном законом 19 мая 1871 года.

Все поименованные лица установленными дознанием данными изобличаются в принадлежности к революционному сообществу, и за исключением Присецкой, в составлении, печатании и распространении преступного содержания прокламаций, Шедрин же, Ковальская и Кашинцев, кроме того, в изготовлении подложных видов на жительство и в проживании, как и Преображенский, по поддельным документам, а Присецкая изобличается, кроме принадлежности к революционному сообществу, в имении печатных и рукописных изданий преступного содержания.

Щедрин и Ковальская прежде привлекались к делу об убийстве в С.-Петербурге секретного агента мещанина Жаркова. Щедрин, по присутствию злой воли, решимости и безнравственности убеждений, представляется не менее серьезным тех злодеев, которые совершили страшное преступление 1 марта; он стоял

во главе киевского революционного кружка и не озna-
меновал своей деятельности в Киеве каким-либо кровавым событием, лишь благодаря аресту его.

Преображенский, 29 лет, сын священника села Смородины, Фатежского уезда, Курской губернии, воспитывался в белгородской духовной семинарии, откуда вышел в 1879 г.¹⁾, не окончив курса, затем поступил на медицинский факультет харьковского университета и в том же 1879 г. скрылся из Харькова. Преображенский от природы человек не глупый, но грубый; отличительную черту его составляют скрытая злоба против существующего порядка и надежда на возможность осуществления социалистического строя.

Кашинцев, 20 лет, дворянин Харьковской губернии, окончил курс в I-й харьковской гимназии, а затем был на первом курсе медицинского факультета харьковского университета, оставил который, скрываясь из Харькова, сознавая свою преступную деятельность и желая скрыться от преследования.

После оставления Харькова проживал в декабре 1879 г. в Екатеринославе под именем Ивана Андреева Никифорова, назывался еще Солиным и привлечен там к дознанию, в порядке высочайше утвержденных 1 сентября 1878 года правил по обвинению, вместе с другими лицами, в преступлении, предусмотренном ст. 251 улож. о наказан. Кашинцев не отличается умственными способностями, характера весьма мягкого, очутился на преступной почве благодаря влиянию харьковского кружка, тем не менее возвращение на истинный путь едва ли для него возможно. Кащинцев единственный из своих товарищей по заключению,

¹⁾ В 1877 году он был уже в Харькове, готовился к поступлению в университет. E. K.

на котором лишение свободы более или менее отразилось, остальные же лица, благодаря своей полной безнравственности, совершенно равнодушно относятся к ожидающему их наказанию (курсив наш.—Е. К.).

Софья Богомолец, 24 лет, жена вольнопрактикующего врача, дочь подпоручика Николая Присецкого, проживающего в м. Ковалевке, Зеньковского уезда, Полтавской губернии; воспитывалась первоначально в киевской женской гимназии, но, не окончив курс и выйдя затем замуж, поступила в С.-Петербург на врачебные курсы, которых также не окончила. Отец ее весьма почтенный и преданный правительству человек, но не имевший, повидимому, никакого влияния в семье, мать же обвиняемой — женщина прожила и с давнего времени больная, до бешенства озлоблена против правительства и в этом духе воспитывала своих детей. Таким образом, обвиняемая Софья Богомолец и Мария Присецкая (родная ее сестра), третья дочь Ольга Присецкая, проживающая в Полтаве, и брат их Иван еще в семье были подготовлены к преступному пути, на котором Софья Богомолец и утвердились, выйдя замуж за врача Александра Михайловича Богомолец, несомненно, преданного революционному делу. Поездка последнего заграницу без разрешения и обяснения причин была предпринимаема, повидимому, с какой-либо политической целью. Ольга Присецкая была невестою Барышевского, убитого в Москве Качкою.

Мария Присецкая, 20 лет, родная сестра Софьи Богомолец, окончила курс в лебединской женской гимназии, Харьковской губернии, и затем выдержала экзамен при киевском врачебном отделении на звание фельдшерицы. Она не особенно развитая, но женщина дерзкая; по озлобленности против

правительства хотя уступает своей сестре Софии, тем не менее едва ли какое исправительное наказание оторвет ее от преступного движения.

Как менее других изобличенная в виновности вещественными доказательствами и притом больная, она под стражей не содержится, а обязана подпиской о невыезде с места жительства ее отца впредь до окончания дела.

Все вышеупомянутые, привлеченные к делу лица, несомненно, принадлежат к фракции террористов, что подтверждается найденными у них вещественными доказательствами, в особенности же заготовленными по поводу предполагавшегося убийства полковника Коробкова прокламациями, в которых говорится о казни, как о факте совершившемся».

Богомолец после ареста была посажена тоже в Старо-Киевский участок, в камеру рядом с моей. Разыграв предварительно комедию людей, не знающих друг друга, мы с нею постепенно получили возможность видеться благодаря симпатичному помощнику пристава. К сожалению, не могу вспомнить его фамилию,—фамилия польская, начинавшаяся буквой К. Знакомство мое с ним началось так: найдя на полу кусок угля, я написала крупными буквами на стене моей камеры отрывок стихотворения Некрасова:

Вам же не праздно, друзья благородные,
Жить и в такую могилу сойти,
Чтобы широкие лапти народные
К ней проторили пути...

Во время утреннего обхода дежурный полицейский офицер (так они тогда назывались) Судовский¹⁾, увидев написанное, пришел в ужас. «Это не дозволяется.

¹⁾ Племянник Судейкина. Во время убийства Судейкина Судовскому были нанесены тяжелые удары, но он остался жив.

Надо сейчас же стереть, — распорядитесь», обратился он к помощнику. Тот спокойно ответил: «Ну, какое вам дело до этого? Прекрасная надпись, незачем ее стирать». Судовский был озадачен, и надпись осталась¹⁾). Когда помощник вывел меня на прогулку, я вступила с ним в разговор; он оказался из семьи польских повстанцев. Потом он стал приносить мне тайно газеты, оказывал мне много мелких услуг вполне безкорыстно. Справедливость требует сказать, что все время моего пребывания в Старо-Киевском участке тот же Судовский и пристав относились ко мне не только корректно, но даже с явным уважением и симпатией.

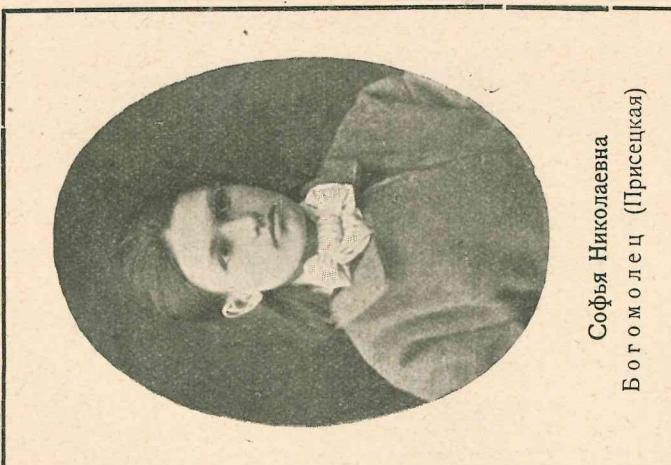
После моего возвращения из Петербурга, в соседнюю со мною камеру был посажен какой-то барон (это было еще до ареста Богомолец), молодой, довольно образованный. Проходя мимо моей камеры, он заглянул через дверное оконце и отрекомендовался, а вечером вступил со мною в разговор. Все обыкновенно подходили к дверным оконцам и через коридор вели громкие беседы,—на этот счет в участке была полная свобода. Мой сосед никаких вопросов о деле мне не задавал. Беседы наши шли исключительно о литературе, о новинках иностранной литературы,—в этой области он был весьма осведомлен. Помощник пристава, зайдя ко мне в камеру, предупредил: «Будьте осторожны,—рядом с вами посажен шпион; он, действительно, барон, но арестован по каким-то мошенническим делам».

1 марта 1881 г., часов около 12 ночи, мой сосед, барон, торопливо проходя мимо моей камеры, произнес

¹⁾ Рабочий Доллер, посаженный после меня в ту же камеру, рассказывал мне потом, какой прилив бодрости почувствовал он при первом входе в тюрьму, прочитав на стене эти стихи Некрасова.

Мария Николаевна
Присецкая

Софья Николаевна
Богомолец (Присецкая)

вполголоса, обращаясь ко мне: «*Le roi est mort*» (царь умер). Не прошло и пяти минут, как послышался топот многих ног, дверь в наш коридор с шумом отворилась, быстрыми шагами вошла толпа солдат с ружьями, под предводительством растерянного пристава. Он расставлял солдат подле камер, меняя их посты, возвращал снова на те же места, отчаянно разводя руками. У меня мелькнула мысль: «Царь не умер,—царь убит». По уходе пристава, в нашем коридоре водворилось гробовое молчание. Молчали солдаты, стоя неподвижно, напряженно подле наших камер, молчали и мы с Богомолец, погруженные в догадки и в предположения. Если царь умер,—думала я,—почему такая растерянность пристава, зачем столько солдат введено в наш коридор? Если убит, начнется ли революция? Кто начнет? Крестьянство не поймет этой смерти. Рабочие? В России рабочих капля в море, а сознательных, может быть, сотни. Буржуазия, даже либеральная, труслива и расчетлива. Надежный оплот революции, всегда готовый жертвовать собой для блага народа,—интеллигенция рассеяна по тюрьмам и ссылкам. Хотелось верить, и не верилось.

На другой день пристав, открыв двери моей и Богомолец камер, стараясь быть спокойным и развязным, обратился к нам: «Пожалуйте наверх присягать новому императору Александру III».—«Почему,—спросила я,—разве Александр II отказался от престола?». «Это не мое дело, пожалуйте наверх».—«Присягать ни старому, ни новому я не стану». В таком же смысле ответила и Богомолец. В обед пришел помощник раздать кормовые деньги сидящим. Войдя ко мне, он тихо сказал: «Ваши убили». «Досталось нашему приставу от Судейкина,—добавил он,—как же, дурак не знал, что женщин не приводят к присяге». После присяги, на которую пошли все сидевшие в участке

(исключительно уголовные), солдаты были уведены с нашего коридора, и жизнь снова пошла обычным порядком, как будто ничего не случилось.

Сидевшие в это время в крепости на Печерске (часть Киева) Щедрин, Преображенский и Кашинцев отказалось принять присягу.

Глава III.

После арестов 4 января (Преображенского, Бого-молец, Кащинцева и Присецкой) до ареста типографии 27 апреля, центром, вокруг которого группируются рабочие союзы, становится П. Иванов. По рассказам Иванова, Доллера¹, Кизера², с которыми я потом встретилась в тюрьме, работать в этот период было особенно трудно. Многие, наиболее деятельные, развитые рабочие, стоявшие в центре Союза, боясь ареста, разъехались из Киева. Слежка за всеми была почти открытая. Жалко было бросать дело Союза в Киеве, наложенную типографию; вывезти ее в другой город не было возможности. Сочувствие рабочих не уменьшилось, прибывали новые, но паника после арестов была заметна. Рабочие стали категорически протестовать против убийства Коробкова, боясь этим актом вызвать жестокие приговоры нам, арестованым. Первое, что сделал Союз после арестов 4 января,—напечатал следующее заявление³:

От Южного Рабочего Союза.

Извещаем своих членов, что во время арестов в Киеве 4 января из рабочих никто не арестован;

¹) Доллер, рабочий-слесарь, член Союза.

²) Кизер, рабочий-слесарь, член Союза.

³) Дело III отд., З эксп., № 787.

из союзного же имущества арестовано: 2 испорченных револьвера, кинжал, несколько брошюр и часть прокламаций о предстоящей казни Коробкова, начальника киевских арсенальных мастерских. Заарестование вещей и раскрытие тайны Союза произошло по оплошности одного из членов, который, желая устроить у себя вечеринку, так неразумно очистил свою квартиру от предосудительных вещей. Хотя теперь и труднее будет привести в исполнение свой приговор над Коробковым (ибо он знает уже свою роль), но Союз должен изыскать все средства выполнения своих постановлений, ибо одна из главных его задач, это—защищать интересы рабочих всевозможными средствами и наказывать нарушителей этих интересов.

Заарестованные, как лица не рабочего класса, не могли быть членами «Союза», тем не менее «Союз» считает своим долгом позаботиться о них, как бы о своих членах, и облегчить их роль, насколько будет возможно. Честь и слава честным людям, помогающим делу «Союза».

Южно-русская вольная типография,

4 января 1881 г.

Печать Южно-Русского
Рабочего Союза¹).

Это заявление было сделано по инициативе рабочих и написано ими самими, наивно думавшими таким способом облегчить роль арестованных.

Дело чиншевиков, начатое еще нами, в этот период приняло другой, неожиданный для нас характер.

Вот как излагает это дело киевский губернатор департаменту полиции.

¹) В середине печати перекрещенные молот, топор и револьвер; вверху на молоте—буквы «З. и В.».

«15 января 1881 г. в местечко Ходоровку приехал неизвестный, выдавший себя за чиновника ревизии сенатора Половцева, потребовал собрать чиншевиков и заявил им: «Председатель мещанской управы Машковский 15 января проиграл дело; то же будет и с остальными, которые будут разбираться. Я сочувствую вашему положению, сделаю ревизию по правде в две недели, но поможет ли это,—я ручаюсь не могу». Затем уехал на станцию Попельня (Киев.-Бр. ж. д.), взяв с собой урядника, которому потом вручил 3 запечатанных пакета: один для пристава 3-го станка, 2-й владельцу Ходоровки Левандовскому и 3-й чиншевикам; последний должен быть вскрыт в присутствии понятых. Пакеты были вручены десятскому в момент, когда подошел поезд к станции, в который вскочил неизвестный. Того же числа телеграммой из Киева, подписанной чиновником особых поручений при ген.-губернаторе, на станцию Казягин был вызван урядник с распоряжением оставаться ждать на станции. На станции появился неизвестный, который спросил, местный ли он урядник. Получив утвердительный ответ, уехал. В пакетах, врученных десятскому, были одинаковые прокламации от тайного братства «Земля и Воля» с угрозой помещику Левандовскому смерти в случае отказа выполнить требование чиншевиков».

Прокламация Левандовскому.

Господину Левандовскому, помещику местечка Ходоровка, Сквицкого уезда, Киев. губ.

16 января текущего года (81) вам предстоит окончательно довершить разорение 25 семейств ходоровских чиншевиков, лишить их жилищ и земли, к чему вы безнаказанно и неуклонно стремитесь целые 10 лет. В виду того, что настоящее решение суда

будет иметь решительное влияние на участь остальных чиншевиков нашего края, братство «Земля и Воля» требует от вас: дело в суде немедленно прекратить, чиншевиков наделить землею в размерах прежнего владения, а также пополнить все понесенные ими убытки по добровольному с ними соглашению. В случае неисполнения означенных требований, произнесен будет над вами смертный приговор.

Южно-русская вольная типография.

15 янв. 81 г.

Печать тайного братства
«Земля и Воля».

В деле III отд.¹⁾ имеется прокламация от 30 января 1881 г. на малороссийском языке—обращение к чиншевикам. Судя по шрифту, она, несомненно, отпечатана в типографии Ю.-Р.Р.С., но по смыслу и характеру не подходит к «Союзу». Так: «Тайне брацтво зачалось з того, щоб добитись спершу: другого наділа землі для усіх, поменьшить податки, побильшить рабочу плату и здобути хоча ти невелички клаптики землі, котри з діда-прадіда належали до чиншевіков...» Такой программы у Ю.-Р.Р.С. никогда не было. Далее: «Щоб знали одно об другому де що робиться, що коять пани с жидами (курсив наш.—Е. К.), на які хитрощи пускаються». Это натравливание на евреев находится в прямом, явном противоречии с прокламацией, выпущенной Ю.-Р.Р.С. во время еврейского погрома в Киеве, в апреле 1881 г. (см. Приложения).

Читая и перечитывая эту прокламацию, мне вспомнился вечер на барже, когда нас всех везли на каторгу. Павло, всегда мрачный, молчаливый, в этот вечер был как-то необычно возбужден, метался по

¹⁾ Дело III отд., 3 эксп., № 787.

палубе, видимо, чем-то обеспокоенный. Вдруг резко подошел ко мне и, как крик сдавленной боли, вырвалось у него: «Не могу простить себе, как я, старый дурак, мог верить этому прохвосту Пану,—ведь он шпион, я уверен теперь, что он шпион. А как было ему не верить? Ведь он сам доставил нам большую часть типографии, сам ездил с прокламациями в Ходоровку. Печатал в нашей типографии сам какие-то прокламации на украинском языке, чорт его знает, что он там печатал, я их даже не просматривал...»

Не есть ли эта загадочная прокламация личное произведение Пиотровского? В одном из донесений киевского жандармского управления, между прочим, говорится, что, по сообщению Пиотровского, образовалось какое-то «Братство»—его печать он покажет жандармскому управлению. На этой прокламации имеется печать «Братства».

По архивным документам видно, что неизвестный, ездивший под видом чиновника в Ходоровку с прокламациями, был Пиотровский, об'яснивший это Судейкину необходимостью восстановить доверие к нему «Павла» и других революционеров, среди которых еще до осуществления его фиктивного побега были из Петербурга сведения о переходе его на сторону правительства, вследствие чего он не только не мог быть полезным правительству, но и ему самому грозила опасность¹⁾. В одном из донесений губернатора Гессе говорится, что Пиотровский сознался, но облечь в протокол это оказалось небудьм (курсив наш.—Е. К.). По разным документам видно, что слежка за Ивановым и за другими революционерами не прерывалась все время, при чем

¹⁾ Дело III отд., 3 эксп., № 787.

Пиотровский играл главную роль, за что получал постоянное жалованье и единовременные пособия.

По донесению киевского губернатора департаменту полиции, «дело чиншевиков принадлежит той же компании; один из главных деятелей этой компании есть «Павло», известный жанд. упр. через шифрованную переписку, которую он вел с Поповым и Ивановым и другими, содержащимися в тюрьме...»¹⁾ Крюгер (он же Пиотровский.—Е. К.) рисует Павло, как личность энергичную, смелую, стоящую в настоящее время в числе главных деятелей всего юга, что доказывают, между прочим, его постоянные разезды. В Киеве к числу близких знакомых Иванова относятся: студенты Бутков и Кириллов, Антонова; кроме того, с Павлом, по словам Крюгера, знакомы многие рабочие, которые принадлежат к рабочему союзу (по другим агентурным сведениям, это—рабочие, упоминаемые в донесении начальника того же жанд. управл. от 19 декабря 80 г. за № 3260²⁾), а также рабочие Зус, Бевз, Лейский, Доллер, Сметьюшенко, Пеньков³⁾ и многие другие, жанд. управлению известные. Павло имеет сношения с заграничной эмиграцией по поводу формирующейся лиги под названием «тайной дружины»⁴⁾. «Необходимость принять участие в распространении прокламаций в имении Левандовского Крюгер об'ясняет следующим: по освобождении его из тюрьмы, он узнал от Гаркушенко (личность также известная жанд. управл.⁵⁾,

¹⁾ Эти письма не найдены.

²⁾ Это донесение нами не найдено.

³⁾ Доллер, Сметьюшенко и Пеньков были членами Ю.-Р.Р.С

⁴⁾ Об этой лиге я ничего ни от Павла, ни от других никогда не слыхала.

⁵⁾ Гаркушенко вращался между украинофилами и был знаком со многими членами Союза.

что радикалы предубеждены против него и не желают с ним сходиться, считая его агентом, так как еще до его освобождения из Петербурга приезжал видный революционный деятель, который предупредил социалистов, что Крюгер сделался шпионом и что ему будет устроен побег¹⁾). «Это сведение, распространяющееся среди радикалов, ставило его в безвыходное положение, устраняя всякую возможность какой-либо деятельности, о чём, будто бы, он и писал его сиятельству графу Лорис-Меликову, прося указаний и вызова в Петербург, чтобы выяснить свое положение вообще и в революционной среде в особенности. Затем с Крюгером оставался в хороших отношениях только Гаркушенко (личность, сочувствующая, но не активная), а через последнего он познакомился с Павлом, который, зная его ранее по слухам, отнекся к нему с некоторым доверием, назначая даже иногда свидания, при которых рассуждал с ним на легальной почве о социальной партии вообще, но далее этого не шел, умалчивал обо всем, что касалось практической деятельности. Между тем, из отрывочных намеков и полуслов Крюгер понял, что предполагается общая организация для юга с целью аграрного террора, на какую организацию возлагаются большие надежды, так как в нее должны войти, как распорядители, преимущественно эмигранты. Признавая серьезность этой задачи, тем более, что об этой мысли он знал, еще будучи заграницей, и понимая, что его положение в глазах социальной партии пошатнулось почти безвозвратно, он высказывал Павлу свою готовность принять участие в активной деятельности. Сначала это имело мало успеха,—Павло принял это холодно,—но потом, как нужно думать, по

совету других, для окончательного испытания Крюгера, предложил ему распространять прокламации по поводу Левандовского в м. Ходоровке. Крюгер, зная хорошо партию и ту ее особенность, что потерянное в ее глазах доверие может быть восстановлено проявлением какой-либо активной деятельности..., не колеблясь принял это предложение и исполнил его, тем более, что, как видно было из слов «Павла», оно было давно задумано и подготовлено...»—«не приняв же на себя этой миссии, он ничего не выигрывал, прокламации были бы распространены, могло последовать и убийство...», «теперь он ручается, что это убийство не совершился, т. к., по тем же соображениям, он принял на себя предложение выполнить самое убийство, но, конечно, только фиктивно...»—«лучший же исход из этого дела он видит в том, что если Левандовский, как он слышал, временно выедет заграницу...». «Далее Крюгер добавил, что и с практической стороны оказались уже результаты...» «в настоящее время он пользуется полным доверием, через «Павло» он уже имел возможность встретиться и с другими лицами, при чем выяснилось, что кроме рабочего союза организуется на юге лига, принявшая название «тайной дружины», с одним из ее членов он уже встречался, видел ее печать, сделанную заграницей¹⁾ (курсив наш.—Е. К.), надеется на: днях представить жанд. управлению оттиск этой печати, и что из состава рабочего союза и лиги, т. е. дружины, будут выбраны по три члена, которые будут заведывать делами обеих партий, что есть полная надежда, что он будет на предлагающемся с'езде назначен в число этих 6 членов...»

¹⁾ Сведения эти шли от народовольцев.

¹⁾ Несомненная ложь: печати всеми организациями легко вырезывались на местах. Е. К.

«равным образом, уже появилась мысль среди социальной партии командировать его... к заграничной эмиграции».

«Хотя объяснение Крюгера с практической стороны имеет свой смысл, а, равным образом, пока нет никаких данных заподозрить его в неискренности, так как сообщаемые им сведения более или менее подтверждаются из других источников, но не менее, по мнению Новицкого, Крюгер смотрит преувеличеными глазами на возможность образования русской южно-русской лиги (курсив наш.—Е. К.). Хотя несомненно, что рабочий союз существует, но он ограничивается пока незначительным числом лиц; может быть, есть задачи у лиги под влиянием каких-либо прибывших эмигрантов, но чтобы она, по крайней мере, скоро могла принять серьезные, широкие размеры, допустить трудно, хотя, конечно, под влиянием какого-либо видного заграничного деятеля-эмигранта и найдутся адепты. К этому выводу начальник жандармского управления не мог не притти в виду того, что до сих пор, как известно из всех предыдущих дел, партия ограничивается небольшим числом лиц, но вслед за арестованием вожаков являются новые из других городов и мест, что и подтверждается сообщением деп. пол. 24 января за № 577. Лучшим доказательством может служить последнее дело в Киеве, когда после процесса 21 ч. в Киеве было полное затишье, а затем явились Щедрин, Ковальская, Преображенский, Кашинцев и другие, которые снова подняли упавшее революционное дело. Полагаю, что и теперь, на основании предыдущих примеров, в Киеве являются, может быть, уже и явились, новые деятели, тем более, что, как известно, кто-то уже отправился в Харьков «за народом».

«Вследствие выезда Крюгера из Киева, полковник Новицкий не рассчитывает выйти из преступной среды, откуда им получаются и будут получаться сведения через других агентов».

Весьма вероятно, что никакого «Братства», от имени которого была выпущена прокламация на малороссийском языке к чиншевикам, не существовало. Пильтровский, настойчиво стремившийся (как видно из других документов) получить командировку за границу, мог выдумать легенду о «Братстве», о «Лиге» и т. д., чтобы укрепить свой престиж у жандармов. Вырезать печать, напечатать самому несколько прокламаций в готовой, оборудованной типографии—дело было немудреное. Во время отбывания каторги мне пришлось не мало перевидеть революционеров более позднего периода, рассказывавших о Киеве после нашего ареста, но никогда не слыхала я ничего ни о «Братстве», ни о «Лиге».

2 марта 1881 г. Ю.-Р.Р.С. выпустил прокламацию по поводу 1-го марта. Затем 4 марта вышла прокламация на малороссийском языке по тому же поводу, напечатанная в Южно-русской вольной типографии с печатью «тайного Земли и Воли Братства». 14 марта прокламация на русском языке от Ю.-Р.Р.С. ко всем рабочим с изложением требований, посланных царю через Лорис-Меликова¹⁾.

Вот что узнала я об этом моменте от рабочего Доллера во время нашего суда. По его словам, 1 марта поразило рабочих, как «удар грома». В первый момент все растерялись, а часть даже испугалась. Начались споры о том, как должен отнестись Союз к этому акту. Одни вдруг уверовали, что новый царь, испугавшись, теперь все сделает для народа, вплоть

¹⁾ Эти прокламации смотри в приложениях.

до отобрания земли у помещиков и передачи трудящемуся крестьянству. Другие уверяли, что теперь начнутся чуть не поголовные казни. Часть рабочих, стоявшая в центре Союза, предлагала немедленно выпустить прокламации, в которых прежде всего должно быть обстоятельно разъяснено, что убили царя не враги, а друзья народа, думая таким образом изменить все к лучшему, но что они ошибаются,— сколько ни убивай царей, пока сам народ не восстанет, никакой царь ничего народу хорошего не даст; что царей даже и хороших нам не надо. При чем эта группа была против того, чтобы выставлять какие бы то ни было требования, так как нам нужен коренной переворот, а не частичное улучшение. Многие стояли за то, чтобы Союз выставил свои требования. Из боязни раскола в Союзе на почве этих разногласий, был выработан текст компромиссных 1-й и 3-й прокламаций от Союза. Что касается прокламаций на малороссийском языке от имени «Братства», то о ней ни Доллер, ни Павло, работавшие в типографии, ничего мне не говорили¹⁾.

В делах III отделения имеется целая тетрадь, приложенная к делу Ю.-Р.Р.С. с обширной перепиской по поводу найденного при арестах плана какого-то здания. Вызывались эксперты, архитекторы, которые склонялись к мнению, что это план храма спасителя в Москве. Фантазия жандармов на этом построила предположение о готовящемся покушении в этом храме на царя. Из переписки по этому поводу видно, что были обследованы все подвалы и поставлены часовые в храме спасителя. Цареубийство не входило в программу Ю.-Р.Р.С. На самом деле это был план одной провинциальной церкви, в которой Павло в этот

1) См. приложения.

период сделал экспроприацию. При аресте типографии часть церковных вещей была найдена в подполье. Неизвестно почему, это обстоятельство осталось незамеченным на суде, хотя о нем и упоминалось,— это могло бы дать хороший материал для злорадства нашего обвинителя Стрельникова. Этим единственным делом начались и окончились экспроприации Союза.

Благодаря тайной агентуре, была выслежена личная знакомая рабочего Кизера (члена Союза), когда он передавал ей на вокзале тюк с литературой Союза для увоза в Одессу.

30 апреля 1881 г. киевский губернатор доносит департаменту полиции:

«Несколько дней назад начальником киевского ж. у. получены сведения из агентурного источника, что в Киев прибыли две неизвестные женщины и казачий офицер, цель приезда которых заключалась в получении от киевского преступного кружка прокламаций для доставления их в Одессу. Установить в Киеве звание этих лиц не представилось возможным ввиду краткости их пребывания, но назначенные для наблюдения за ними опытные жандармские офицеры Верблин, Стайн и Фомин, следуя указаниям жандармского капитана Судейкина, достигли желанной цели, узнав в лицо приехавших, и когда последние отправились в Одессу, тоunter-офицеры последовали за ними для указания их одесскому жанд. упр., которому Новицкий телеграфировал о производстве обыска. Возвратившиеся жандармы доложили, что при обыске названных лиц оказалось: 56 прокламаций Ю.-Р.Р.С. преступного содержания, письма с печатью союза от киевского рабочего кружка к одесскому. Задержанные оказались: Кузнецова, жена майора¹⁾, Лапицкая,

1) Жена эсаула.

сестра Кузнецовой, и казачий эсаул Дворянский. Хотя арестованные отказались назвать лицо, передавшее им прокламации, но ж. у. это лицо известно, и если Новицкий не арестовывает это лицо в видах пользы дела и установления положительных юридических улик его виновности, арест и обыск названных лиц не был произведен в Киеве, ибо этим обнаружился бы источник, давший о них сведения» (курсив наш.—Е. К.). Между прочим, Новицкий говорит в донесении: «рабочий в Одессе, которому предназначался тюк прокламаций, нам известен,—он наш агент» (курсив наш.—Е. К.)¹⁾.

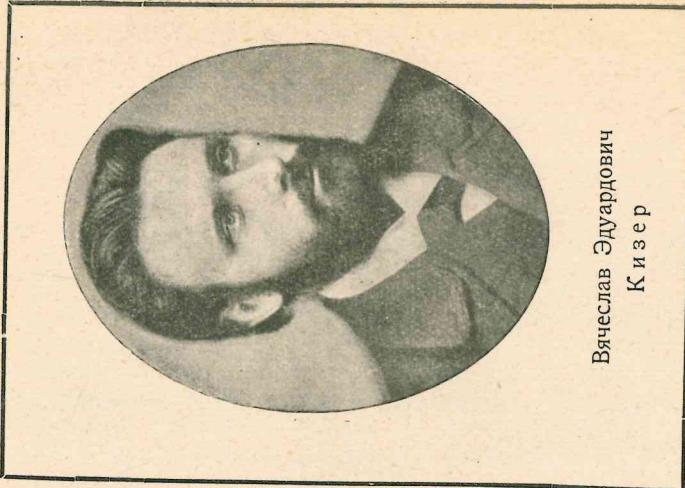
В последних числах апреля в Киеве разразился еврейский погром. По рассказам П. Иванова, в самый разгар беспорядков члены союза, желая повернуть погром в русло революции, бросились печатать прокламацию «Бьете вы жидов...» (см. приложения), забыв всякую осторожность, выбрасывали из окон на улицу еще невысохшие листы в разъяренную толпу. Вскоре показались жандармы. Иванов и рабочий Кизер были арестованы со всей типографией. Рабочий Ратке, хозяин квартиры, успел скрыться²⁾.

Шифрованная телеграмма начальника киевского ж. у. от 28 апреля 1881 г. д-ту полиции сообщает:

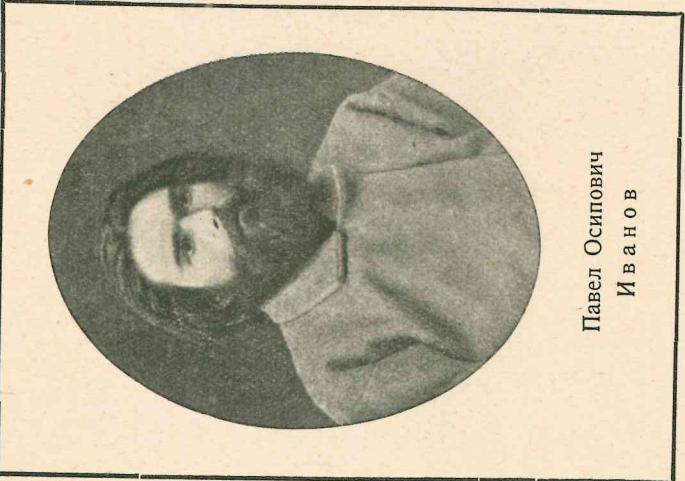
«В минувшую ночь арестована Южно-русская вольная типография во время печатания прокламаций «братьям рабочим», которыми призывались рабочие бить не евреев бедняков, а зауряд всех состояний людей и всякое начальство. Отиски прокламаций предназначались для немедленной раздачи народу, производящему в Киеве беспорядки, и могли бы

¹⁾ Кто был агент-рабочий—узнать не удалось.

²⁾ Ратке оказался жандармским агентом.

Вячеслав Эдуардович
Кизер

Павел Осипович
Иванов

иметь самые острые последствия. При этом арестованы прусский подданный Кизер¹⁾ и разыскивавшийся Иванов. Прокламации эти были готовы к выпуску, оттиски разложены для просушки».

В следующей телеграмме говорится: «При обыске найдены: черновая прокламация и другие, отпечатанные Ю.-Р. типографией, которые распространялись долгое время в огромном количестве по всей России» (курсив наш.—Е. К.)

В донесении 5 мая 1881 года киевского губернатора департаменту полиции:

«Наблюдение за лицами, получавшими переписку из тюрьмы, дало рядом с агентурой возможность наметить остальных членов партии. Таким путем выяснилось, что один из главных деятелей есть разыскиваемый сын чиновника, бывший воспитанник коллегии Галагана, Павел Иванов», «но он, как человек осторожный, со времени учреждения за ним наблюдения, т.-е. с апреля 1880 г., не имел своей квартиры, скрываясь у различных сочувствующих лиц, и потому не представлялось возможности допустить, чтобы арест и обыск его дали какие-либо юридические данные к обвинению его в государственном преступлении; с другой стороны, жанд. упр., зная очень хорошо, что после разгрома кружка всегда являются новые деятели из других мест для поднятия революционного дела, решило оставить Иванова на свободе, чтобы, наблюдая за ним, иметь возможность установить и других революционеров, если они приедут; таким образом, в связи с агентурой и были арестованы: Щедрин, Ковальская, Преображенский и др., имевшие большое влияние в революционной среде, как

¹⁾ Саксонский подданный.

образовавшие рабочий союз и устроившие типографию¹⁾), но, несмотря на арест упомянутых лиц и лишь части взятого у них типографского шрифта, типография еще не была открыта; после же ареста 4-го января путем наблюдения жандармских унтер-офицеров и агентурою было установлено, что Пав. Иванов очень часто посещает квартиру, в доме Оржеховской, № 63, по Жилянской ул., где ранее проживали известные из прежних донесений жанд. упр. сапожники: Буряк, Цельсман и др., а потому с 15 февраля настоящего года в этом доме была нанята квартира, где для постоянного наблюдения днем и ночью и поселились жанд. офицеры: Арманчук, Грищук и Кирилюк, которые при таких условиях имели полную возможность познакомиться с физиономиями лиц, посещавших эту квартиру, а также установить тот факт, что иногда ночью там слышался стук, как бы от печатания, заглушаемый ударами молотка. В эту же квартиру были направлены и два агента²⁾, которые вошли в знакомство с преступниками. Но так как типографии в квартире, повидимому, не было (как оказалось впоследствии, она сохранялась под полом), то не представлялось возможным с уверенностью приступить к обыску, а было необходимо выждать самого момента печатания, чтобы застать преступников с полными уликами. И вот, в ночь на 28 апреля, когда снова начался стук и агентурный источник принес сведения, что этой ночью будут печататься прокламации, был произведен, по распоряжению начальника жандарм. упр., капитаном Судейкиным обыск, увенчавшийся полным успехом. Кроме заарестованных уже

¹⁾ Во время основания Ю.-Р.П.С. Преображенского, Кашинцева и Богомолец не было в Киеве. Е. К.

²⁾ Не удалось установить, кто именно были эти агенты.

лиц, есть еще надежда арестовать двух, из которых один рабочий Доллер, известный жанд. упр. еще по делу приготовления в Киеве разрывных пироксилиновых гранат. Кроме постоянного посещения квартиры, где находилась типография, против Доллера есть улика та, что, при указании его негласным путем одному крестьянину, последний признал в нем то лицо, от которого он получил прокламацию Ю.-Р.П.С. в тот день, когда прокламации эти расклеивались и разбрасывались на предместье города Киева — Домиевке...

«...Тем же наблюдением установлено еще много других лиц, преимущественно рабочих (курсив наш.—Е. К.), тем или другим путем соприкасавшихся с этой компанией; но предполагается, что лучше их не трогать, чем по заарестовании выпускать на свободу за недостатком улик и тем дискредитировать власть».

«В момент самого обыска один из бывших в квартире, именно сапожник Ратке, успел скрыться»¹⁾. «Квартира, где помещалась тайная типография, состояла из двух комнат, в первой находился сапожный станок и инструменты, очевидно, обитатели квартиры желали замаскировать ее; в другой комнате были размещены на столе, стульях и диване все принадлежности типографии, только-что отпечатанные прокламации в числе 124 экз.», «там же лежала черновая печатавшейся прокламации, написанная почерком Иванова», «там же подготовленное к печати стихотворение, возбуждающее к бунту».

«Арестованный при взятии типографии Иванов был издателем-редактором, Кизер — наборщиком. Павел Осипов Иванов ни в чем не признает себя виновным,

¹⁾ По документам, найденным в архиве, оказалось, что Ратке был агентом жанд. управл.

по существу дела или вовсе не дает показаний, или об'ясняет то незнанием, то стечением обстоятельств, но не отрицает, что был взят в момент изготовления прокламаций. Говорит, что признает себя виновным в том, что поступил в «общество вольных типографов». Иванов, бесспорно развитой и способный человек, прекрасно владеет пером, но бесспорно также, что был организатором и главой вольной типографии, один из выдающихся по решимости и присутствию злой воли революционных деятелей». «Кизер, Вячеслав Эдуардович, 20 лет, саксонский подданный, по ремеслу слесарь, воспитания нигде не получил». «Арестованный Кизер личность отчаянная, грубого характера, проникнут революционным духом, развитием и грамотностью выше уровня рабочей среды, на допросе нахально говорит, но, конечно, ложно, что поступил в тайную типографию под гнетом голода и невозможности найти работу; относящиеся к существу дела показания его ложны, соучастников не выдает. Оба обвиняемые показывают, что Ратке никакого участия в деле типографии не принимал; Ратке малограмотный».

7 мая 1881 г. был арестован рабочий слесарь, французский подданный, Александр Иванович Доллер, по показаниям жанд. унтер-офицера, посещавшего типографию. Новицкий так характеризует Доллера: «Обвиняемый Доллер, хотя нигде воспитания не получил, но человек развитой, весьма бойко пишет, характера мягкого, не только не признает себя виновным, но даже отрицаet знакомство с Кизером и другими».

Кизер, саксонец по происхождению, выросший в России, не знавший ни одного слова по-немецки, не имевший ничего немецкого в характере, скорее походил на русского. Смелый, открытый, веселый, хороший

работник во всем, за что брался, умел заводить знакомства и привлекать к союзу. На суде старался взять всю вину на себя, выгораживая Кузнецова.

Доллер, француз по рождению, также вырос в России, тоже ничего не понимал по-французски, мягкий, женственный, с поэтической душой, чрезвычайно чуткий, в то же время спокойно-упорный, стойкий в своих убеждениях, особенно как-то умел внушать к себе уважение; к его словам всегда прислушивались, несмотря на его молодость, — ему было 20 лет.

Все арестованные были соединены в один процесс «Южно-русского рабочего союза» и преданы военному суду.

Глава IV.

Весною меня и Богомолец перевели из Старо-Киевского участка в тюрьму, куда спустя некоторое время привезли Иванова и Кизера, а немного позже и Доллера.

В 20-х числах мая, за несколько дней до суда, всем нам, соединенным в один процесс, был выдан обвинительный акт, по которому мы предавались военно-окружному суду и обвинялись по 249 ст.

В Киеве в те времена не стеснялись казнить за одно хранение чужих прокламаций (казнь Розовского и Лозовского), каждый подвешенный под 249 ст. мог ждать для себя той же участи. Новицкий после раздачи обвинительного акта ежедневно регулярно обходил наши камеры с неизменным вопросом: «Не желаете ли дать показания, могущие смягчить приговор? Еще не поздно до суда». Но, несмотря на молодость, большинство подсудимых (Кашинцев, Доллер, Кизер, Присецкая были несовершеннолетние, Щедрину было 23 г., Богомолец — 24 г.), желающих давать показания для смягчения приговора не оказалось.

В день суда, 26 мая, всех нас посадили в одну длинную карету вида трамвая с большими окнами, запряженную четверкой лошадей цугом, окруженную взводом казаков с пиками на-перевес. Было не более 6 ч. утра. По дороге во многих домах окна были открыты настежь, в них стояли люди, махавшие нам платками. Посыпались цветы на мостовую; большая ветка цветущей яблони ударила в стекло кареты.

В зале суда мы нашли наших товарищей, содержащихся до этого времени в крепости на Печерске: Щедрина, Преображенского и Кашинцева; они были одеты по сравнению с нами франтами, в собственных костюмах (в крепости не полагалось переодевать в арестантское).

Ко мне первой обратился председатель суда с обычным вопросом об имени, звании и пр. С большим трудом удалось мне произнести короткую фразу: «Я—социалистка-революционерка, суда вашего правительства не признаю и участвовать в нем не желаю». В самом начале моего заявления председатель принялся стучать по столу, звонить в колокольчик, не давая мне говорить. Затем, обратившись к Щедрину, услышав почти то же начало фразы, покорно замолчал. Такие же ответы, в несколько другой форме, Кашинцева, Преображенского и Богомолец высушали уже спокойно¹⁾.

Для всех нас был назначен один военный защитник: его услугами воспользовались Кизер, Кузнецова и Доллер.

1) Прокурор судебной палаты Загоскин в рапорте министру юстиции (Дело мин. юстиц. № 8578 второго уголовн. отд. О дворянине Щедрине и др. 80—82 г.) не совсем верно передает наши заявления на суде: «Из обвиняемых Щедрин, Преображенский, Кашинцев, Ковалевская и Богомолец, при опросе их председателем суда о звании, возрасте и вероисповедании,

Прокурор Стрельников набросился на нашу программу. Долго он доказывал, что эта программа опаснее и вреднее для государства, как возбуждающая вражду классов, чем программа «Народной Воли», а потому требовал смертной казни для всех без исключения. Сверх ожидания, на этот раз Стрельников не только не обливал грязью лицо и подсудимых, как делал он всегда во всех других процессах, но даже не использовал благодарный повод для этого— найденные в типографии церковные вещи.

Не было ни одного свидетеля, показывавшего что-нибудь против подсудимых. Единственный свидетель, крестьянин Кучменко, признавший на дознании в Доллере человека, давшего ему прокламацию, не явился на суд. Хозяева квартир, где жили подсудимые, не давали никакого материала для обвинения. Оставались свидетелями против нас только жандармские унтер-офицеры, которые, несмотря на все наводящие вопросы Стрельникова, в роде: «Посмотрите на скамью подсудимых, не второй ли с правой стороны тот именно, которого вы видели ходящим в типографию»,—недоуменно вращали глазами и так сбивались в своих показаниях, что председатель безнадежно разводил руками. Казенный защитник принялся ста-

заявили, что принадлежат к партии социалистов-народников и потому, не признавая никакого иного суда, кроме народного, считают военный суд некомпетентным, вследствие чего на какие бы то ни было вопросы отвечать не желают. Следуя такому заявлению, означенные обвиняемые отказались отвечать на вопрос председателя о виновности, предложенный им по прочтении обвинительного акта, равным образом отка-зались от права последнего слова по окончании судебных прений. Остальные обвиняемые, дав должны ответы на упо-мянутые вопросы председателя в начале заседания, заявили по прочтении обвинительного акта, что виновными себя не признают».

ратально обвинять Кузнецovу, желая оправдать Кизера. Кизер резко остановил его, отказавшись от защиты, и сам стал доказывать полную непричастность Кузнецовой к делу революции, бея всю вину на себя.

Долго совещались наши судьи о приговоре. После долгого ожидания защитник, посмотрев на часы, произнес: «Ого, уже больше пяти часов, как они совещаются». Наконец, появились судьи. Впереди— председатель, растерянный, с поникшей головой. Один из судей, человек лет 35, с симпатичным, интеллигентным лицом (к сожалению, я не могла узнать его фамилию), демонстративно вышел из ряда судей, отойдя одиноко к окну, явно подчеркивая свою несолидарность с приговором. Долго читал председатель, перечисляя все статьи и параграфы, под которые подводились наши преступления, пока не произнес: «смертная казнь»... для всех, кроме Присецкой и Кузнецовой. Всеми подсудимыми приговор был выслушан спокойно. Один солдат нашего конвоя упал в обморок; произошло смятение: его вынесли на руках другие солдаты. После непредвиденной остановки председатель закончил: «Щедрину и Преображенскому—смертная казнь.» Затем, перечислив смягчающие вину обстоятельства: «Ковальской—каторжные работы без срока, Иванову—20 лет, Богомолец и Кащинцеву—по 10 лет каторги, Доллеру и Кизеру— ссылка на поселение в Сибирь, Присецкой— лишение всех особых прав и преимуществ, ссылка на житье в одну из сибирских губерний, Кузнецовой—3 недели ареста».

Когда везли нас обратно в тюрьму, улицы были запружены войсками, и тут же толпы всякого народа махали нам платками, что-то кричали сочувственно: слов мы разобрать не могли. Солдаты и командующие стояли спокойно, не принимая никаких мер.

В деле III отд., З эксп., № 787 имеются следующие любопытные документы, относящиеся к моменту суда; шифрованная телеграмма Дрентельна ¹⁾ Игнатьеву, в которой он спрашивает, признается ли уместным в настоящее время приведение в исполнение смертной казни, и в какой степени следует руководствоваться высочайшим повелением 24 мая прошлого года.

Затем следующий доклад государю ген.-ад'ютанта графа Игнатьева от 26 мая 1881 г.

«24 марта прошедшего года, как оказывается, по наведенным мною справкам, по возвращении из Гатчины, состоялось высочайшее повеление, которым генерал-губернаторам вменено в обязанность в тех случаях, когда они не признают возможным утверждать смертных приговоров, постановленных военными судами, испрашивать высочайшее вашего императорского величества соизволение на смягчение участии осужденных, дабы помилование исходило только от верховной власти.

Ныне киевский, подольский и волынский генер.-губернатор, в виду производящегося в Киеве суда над дворянами Щедриным и Кащинцевым, дворянкой Ковальской, сыном священника Преображенским, женой врача Богомолец и дочерью отставного поручика Присецкой, обратился ко мне с вопросом: сохраняет ли силу указанное выше высочайшее повеление. Вместе с сим ген.-ад'ютант Дрентельн желает знать, согласно ли будет с видами высшего правительства приведение в исполнение смертного приговора над кем-либо из поименованных преступников. По сведениям, имеющимся в деп. гос. пол., судимые в настоящее время в киевском военно-окружном суде лица, хотя и принадлежат к числу

¹⁾ Ген.-губернатор, заменивший Черткова.

упорных и вредных деятелей революционного движения, преимущественно в области пропаганды преступных воззрений путем подпольной печати, тем не менее не изобличаются в прямом участии в каком-либо из кровавых преступлений последнего времени. Равным образом, лица эти не могли принимать участия и в еврейских беспорядках, так как в течение нескольких месяцев содержатся под стражею.

Признавая, что право высочайшего милосердия не может быть передаваемо, и находя, что приведение смертных приговоров над кем-либо из шести обвиняемых в Киеве поставит правительство в необходимость на будущее время прибегать к смертной казни весьма часто, так как пред судом представят значительное количество лиц, степень виновности коих не сравненно сильнее виновности киевских подсудимых, я предлагал бы сообщить ген.-губернатору Дрентельну, что высочайшее повеление 24 марта 1880 г. сохраняет силу, и что исполнение смертных приговоров над лицами, не обвиняемыми в насильственных действиях, не представляется необходимым с точки зрения государственной пользы».

26 мая 1881 г. Игнатьев сообщает Дрентельну, что исполнение смертных приговоров над киевскими подсудимыми не представляется необходимым с точки зрения государственной пользы.

Того же 26 мая шифрованной телеграммой Игнатьев телеграфирует Дрентельну о том, что «желательно, чтобы отчет по рассматриваемому ныне в Киеве политическому процессу не был печатаем».

Ночью 1 июня нас разбудили и повели в контору. Там, при свете маленькой лампочки, старичок в мундире дрожащим от волнения голосом прочел нам, что по ходатайству Дрентельна смертные приговоры заменяются каторгой без срока.

После нашего процесса Кутайсов телеграфирует Игнатьеву¹⁾: «процесс многоизначителен, Стрельников выезжает в Петербург, явится к Вам, желательно, чтобы был принят, крайне интересен».

О деятельности «Южно-русского рабочего союза» после нас в делах архива мне ничего не удалось найти. По рассказам киевлян, проходивших через иркутскую тюрьму в 1884 году, где я в это время содержалась, союз еще существовал, хотя много рабочих союза было сослано административно в Туркестан, в губернии Степного края и на Кавказ.

Остается сказать о дальнейшей судьбе осужденных по процессу союза. После об'явления приговора в окончательной форме все мы были отправлены вместе в Сибирь. В феврале 1882 г., по дороге на каторгу, я и Богомолец бежали из иркутской пересыльной тюрьмы²⁾. Пробыв на воле около месяца, мы были арестованы, посажены в темный карцер; меня заковали в наручни (я успела при этом дать пощечину смотрителю), на Богомолец надели смирительную рубаху. Щедрин, узнав об этом, дал пощечину ад'ютанту губернатора, Соловьеву. Щедрина, по приказанию Соловьева, привязали к столбу, связанныго избили и заковали в «лису»³⁾. Судили,

¹⁾ Дело III отд., 3 эксп., № 787.

²⁾ На обложке «Дела деп. пол. З дел. № 54 о побеге Богомолец и Ковальской» высочайшая пометка: «хранить всегда».

³⁾ Так называлась особая заковка, соединяющая железным прутом ручные кандалы с ножными, не позволявшая человеку разогнуться.

Приговорили снова к смертной казни. По ходатайству губернатора Педашенки, приговор был заменен прикованием к тачке и отправкой на Кару. М. Р. Попов в своей статье о Щедрине¹⁾ говорит: «Смягчению приговора много способствовали иркутские дамы, не дававшие покоя губернатору Педашенко, требуя отмены смертной казни. Дамы в своих салонах говорили о Щедрине, как о рыцаре, защитнике женщин. Смотритель тюрьмы передал Щедрину цветы от дам иркутского общества и бутылку портвейна от жены губернатора Педашенки, в знак сочувствия его поступку». После побега 8-ми человек с Кары, Щедрин в числе наиболее опасных карийцев был отправлен в Петропавловскую крепость, помещен в Алексеевский равелин, где, по словам Попова, «был совершенно отделен от других и сидел рядом с кабинетом Ирода (так сидевшие называли смотрителя). У Щедрина началось психическое расстройство. В таком состоянии он был переведен в Шлиссельбург вместе с другими». «В Шлиссельбурге на первых порах,—говорит Попов,—мы могли судить о том, что делается с Н. П., по тем крикам, которые раздавались из его камеры, которыми всегда сопровождался его перенос из новой тюрьмы в старую. Пронесется по коридору тюрьмы болезненный нервный крик, затем какой-то продолжительный стон, который издает обыкновенно человек с зажатым ртом, силящийся что-то сказать, и затем все стихнет. Эта душу надрывающая тишина говорила нам, сидящим, что Н. П. унесли в старую тюрьму». «Что делалось с больным Н. П. в старой тюрьме, об этом красноречиво говорит самоубийство Софии Гинсбург, которая, как то стало потом известно, и решилась на самоубийство только потому,

¹⁾ «Былое» 1906 г., № 12, дек. «Ник. Павл. Щедрин».

что у ней не хватало душевных сил переносить расправу с Н. П. в старой тюрьме. Перед самоубийством Гинсбург несколько раз, как говорили потом унтера, стучала в дверь и спрашивала: «Что вы с ним делаете? За что вы его мучаете?» Но, не получив ответа, она решилась, чтобы не слышать больше этих невыносимых криков и стонов Н. П., покончить с собой». «Когда позволили мне войти к нему, увидев его, я был поражен изможденностью и бледностью его лица, которое можно только сравнить с оберточной бумагой. Я не верил своим глазам, что передо мной стоит Н. П., который сохранился в моей памяти с волосами огненного цвета, прекрасными голубыми глазами и с румянцем во всю щеку. Теперь передо мной стоял только такой же высокий, стройный человек, каким был Н. П., от всего же остального не осталось и следа. Желая вывести его на прогулку, я узнал, что прогулка ему запрещена. «Не могу выводить его на прогулку,—ответил смотритель,— ибо он часто говорит непочтительно об особе государя императора». Это непочтительное отношение и вызывало постоянные расправы с Щедриным. Я увиделся с ним, когда его выдающийся ум уже погас. В светлые промежутки своей болезни Н. П. был столь же умным и подчас остроумным собеседником, каким я его знал на воле».

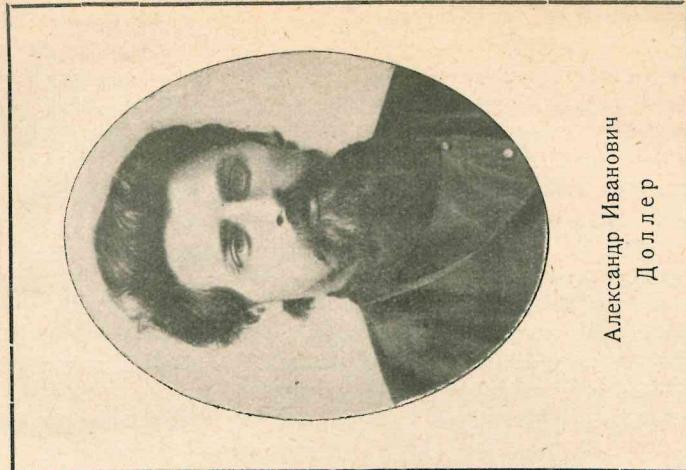
После многих лет Алексеевского равелина и Шлиссельбурга Щедрин был отправлен в казанскую больницу душевно-больных. Мне пришлось встретиться (еще до революции) с врачом этой больницы. Он рассказал мне, что, несмотря на полную безнадежность его психического расстройства, Щедрин, находясь в больнице, писал очень остроумные фельетоны, которые он, врач, помещал в одной местной газете под псевдонимом. Читавшие не подозревали,

что они написаны безнадежно больным психически человеком.

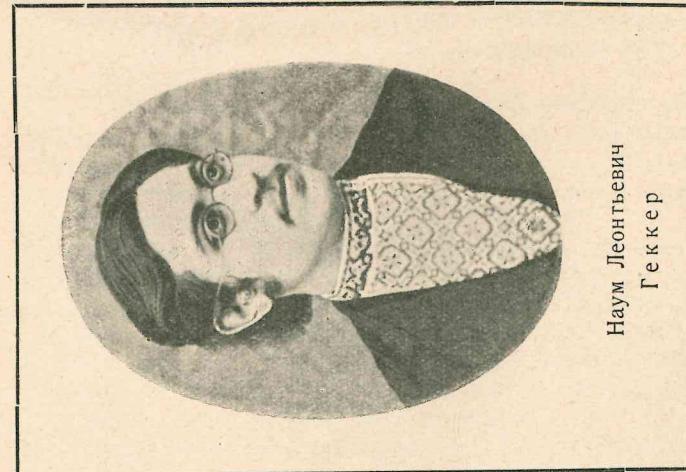
В 1884 г. меня вместе с Богомолец за постоянные «бунты» (так называло начальство наши всякие протесты на Каре) увезли из общей Карийской тюрьмы в Иркутск в одиночное заключение. Осенью того же года я снова бежала из иркутского тюремного замка. Пробыв на свободе около месяца, я была арестована и приговорена к наказанию плетью. Отказалась принять врачей, которые должны были свидетельствовать мою способность вынести плети, и отправлена была снова на Кару. Приговор телесного наказания не был приведен в исполнение. В 1888 г. за нежелание встать перед ген.-губернатором Корфом и «дерзкий ответ» была отправлена в строгое одиночное заключение в верхнеудинскую тюрьму. Сделала попытку бежать оттуда, на этот раз неудачную, после чего была отправлена в каторжную тюрьму в Горный Зерентуй. Там пыталась убить кинжалом помощника заведующего каторгой Бобровского, который распоряжался приведением в исполнение телесного наказания над Сигидой на Каре.¹⁾ По окончании срока каторги (в общем я пробыла в предварительном заключении и на каторге 23 года), выйдя замуж за австрийского подданного и сделавшись таким способом иностранной подданной, я была выслана вместе с ним заграницу без права в'езда в Россию.

Богомолец, переведенная из Иркутска вновь на Кару, продолжала вести непрерывную борьбу с тюремным начальством, была переведена вместе с Россиковой на другой промысел Кары. Умерла она от туберкулеза на Каре, выпущенная из тюрьмы за несколько дней до смерти.

1) См. «Карийская трагедия».

Александр Иванович
Доллер

Наум Леонтьевич
Геккер

Преображенский, отбыв срок каторги, жил и умер в Иркутске.

Иванов, задержавшийся в Красноярске по пути на каторгу, бежал из тюрьмы, выйдя из ворот под видом служителя, но тут же был схвачен. Спустя недолгое время, он, разобрав печь карцера, в котором содержался, вылез на крышу, но, спускаясь ночью через ограду тюрьмы, был замечен часовыми, жестоко избит прикладами (ему проломили голову) и отправлен на Кару. Тюремный инспектор Загарин, в виду его крайне болезненного состояния, предложил Иванову расковать его в дорогу, если он даст слово не бежать. Иванов отказался дать обещание и по дороге на Кару снова сделал попытку побега, но опять неудачно. Умер он в с. Кадае, заразившись тифом у больных, которых лечил.

Кашинцев по окончании срока каторги был отправлен в Якутскую область, откуда бежал потом за границу. Живя в Болгарии, состоял корреспондентом русских газет, сотрудничая под псевдонимом «Калина». Умер.

Доллер и Кизер были поселены в Балаганске, но вскоре за «дерзкое» поведение оба отправлены были в Якутскую область. Доллер утонул в р. Лене, а Кизер спустя несколько лет был выслан за границу, как иностранный подданный.

Присецкая же по окончании срока была возвращена в Россию. Спустя много лет, поехав снова добровольно за сосланным сыном, умерла в Сибири.

Чрезвычайно деятельный и выдающийся член «Ю.-Р. Р. С.», Наум Леонтьевич Геккер, случайно не попав в наш процесс, был позже осужден одесским воен.-окружн. судом на 10 лет каторги.

Привожу выдержки из его воспоминаний «Ю.-Р.Р.С.», дополняющих мою статью. «Когда я приехал в Киев,

я застал уже организацию Союза с некоторым, и даже довольно большим, ущербом: незадолго перед тем были арестованы Щедрин и Ковальская. Это были основатели и руководители Союза в первое время его существования. Но вся груша, стоявшая во главе его, была еще крепка и сплочена...». «Но в общем направлении ее произошли некоторые отклонения, которых нельзя здесь не отметить. Дело в том, что с самого начала состав руководящей группы был далеко не однородный. Правда, ее члены все были народниками. И в этой группе оказались те различные течения, которые тогда обозначались среди народников, оставшихся верными своей основной программе.

Поэтому в ней с самого начала оказались представители разных народнических оттенков. Одни тянули больше в деревню, другие меньше; одни склонялись к политической борьбе больше, другие меньше; у одних на первом плане стояли крестьяне, у других рабочие и т. д. Начнем с Щедрина и Ковальской. Из партии «Черный Передел» они вышли потому, что не могли согласиться с новой программой; поэтому они создали свою особенную программу, «анархическую», с тактикою экономического и центрального террора и вокруг нее сгруппировали будущих членов «Ю.-Р. Р. С.»; «киевские народники присоединились к этой программе, но сразу не могли отрешиться от своих старых и закоренелых тенденций, усвоенных ими от так называемых «бунтарей». Да и в большинстве своем они были таковыми, настоящими «деревенщиками», неизменно тянувшими к деревне и настроенными, главным образом, в пользу работы среди крестьянства. В городе они оставались как бы временно и приспособлялись к городской работе по необходимости. И то, что

они присоединились к программе «Ю.-Р. Р. С.», став во главе его, нужно считать большей или меньшей случайностью: значение тут имели эклектизм программы и организаторская энергия Ковальской и Щедрина. Но главную роль тут играла потеря прежнего равновесия и устойчивости, удерживавших старых «деревенщиков» в их напряженном тяготении к деревне...»

«Таким образом, с самого начала в недрах центральной и руководящей группы «Ю.-Р. Р. С.» таились два различных течения.

Одно представлено было в лице Ковальской и Щедрина, стремившихся прежде всего создать обширную рабочую организацию в городах и поставивших в первую очередь проведение фабричного террора. Другое направление, к которому принадлежали «деревенщики», главным образом, С. Н. Богоявленец и Павло Иванов выражалось в стремлении перенести центр деятельности в деревню. Сначала эти два течения сливались в одно яркое проявление организационной работы, направленной к упрочению «Союза». И соответственно с этим, работа сосредоточивалась, главным образом, в Киеве и окрестных городах. Но после ареста Щедрина и Ковальской второе течение стало обозначаться сильнее и даже преобладать над первым. И соответственно с этим, деятельность Союза отошла от городских рабочих и отклонилась в сторону деревни и крестьян. В первое время после ареста Ковальской и Щедрина работа шла по инерции, по уже раз заведенному шаблону. Она направлялась, главным образом, в сторону рабочей организации, успехи Союза росли с каждым днем, и в Киеве к нему примкнула вся сознательная рабочая масса. Огромное влияние и большую популярность «Союзу» доставляла его энергичная борьба

с начальством киевских арсенальных мастерских, направленная к увеличению рабочей платы, к уменьшению рабочего дня и к завоеванию других льгот для рабочих».

Далее Геккер говорит, что после арестов многих членов Союза, когда во главе остался Павел Иванов, работа Союза перешла в деревню. Типография начала работать, главным образом, на отважные деревенские предприятия всякого рода, имевшие агитационной целью громкую защиту крестьян от обид помещиков. «Павло любил эффекты и устраивал вмешательство союза в различные инциденты крестьян с помещиками, посыпая на места эмиссаров, которые собирали сельские сходы, читали им свои манифесты, об'являли всенародно кровавые ультиматумы от лица Союза, раздавали крестьянам массу прокламаций».

Сам Геккер продолжал интенсивно вести работу среди городских рабочих вплоть до своего ареста. Отправленный на Карискую каторгу, он в 89 году, после применения к Сигиде телесного наказания, выстрелил себе в голову, но благодаря плохому револьверу остался жив. На поселении в Якутской области принял участие в Сибиряковской экспедиции и получил Уваровскую премию (1000 р.) от Общества любителей естествознания за антропометрическую работу. Переехав после в Одессу, лишился способности владеть ногами, как результат попытки самоубийства. Несмотря на болезнь, много работал в прессе. Не особенно давно умер.

Одновременно с Геккером в союз вступил Матвьевич Никанор, тоже был осужден в Одессе на 15 л. каторги. После каторги был на поселении в Средне-Колымске. О дальнейшей его судьбе неизвестно.

Приложения.

Программа Южно-Русского Рабочего Союза¹⁾.

Первый черновой набросок.

Рассматривая современное положение русских рабочих, экономическое и политическое, нельзя не видеть, что оно по своей тяжести превосходит положение рабочих всех стран Европы. В то время, как, например, в Англии работа продолжается 8 часов в день, женский и детский труд находятся под покровительством закона, рабочие, пользуясь добытыми правом стачек и союзов, имеют иногда возможность увеличить свою заработную плату в тех случаях, когда жизненные припасы дорожают и рабочим не хватает прежней платы для жизни; в то время, как рабочие в Англии, благодаря большей свободе слова, печати, имеют дешевые газеты, журналы и библиотеки и, стало быть, могут умственно и нравственно развиваться; каждый рабочий благодаря организации рабочих союзов, при столкновении с хозяином, имеет сильную защиту, и потому хозяева относятся к рабочим по-человечески,—в то же самое время у нас, в России, обыкновенная величина рабочего дня 10—12 часов, женщины и дети эксплуатируются самым бессовестным образом, заработной платы хватает лишь настолько, чтобы не умереть с голоду (не редкость и голодная смерть), стачки, вместо получения уступок со стороны хозяев, кончаются арестами, ссылками, избиением рабочих и т. п.; прави-

¹⁾ Дело деп. пол. № 188. Это первый черновой набросок. Разработанной впоследствии программы, которая была отпечатана Ю.-Р. Р. С., в делах архивов не нашлось. Этот набросок дает все же правильное представление о сущности программы.

тельство не позволяет издавать частных, дешевых газет для рабочих и, таким образом, обрекает их на вечное невежество; что же касается до отношений правительства и хозяев к рабочим, то насилие, надругание над личностью, унижения, достающиеся на долю рабочих, превосходят всякое вероятие. Таково положение рабочих (и крестьянства) во всей России; последствия этого ужасного экономического и политического положения уже сказываются: рост крестьян и рабочих начинает уменьшаться, болезненность и смертность увеличиваются, средняя продолжительность жизни уменьшается, т. е., другими словами, наступает физическое, а стало быть, умственное и нравственное вырождение. Если скоро не изменится экономический строй России, народ (крестьяне и рабочие), постепенно вырождаясь и вымирая, дойдет до полной потери своих умственных и нравственных сил, превратится в рабочую скотину, которая не сможет ни думать, ни рассуждать и, следовательно, не будет в состоянии сбросить положенное на него ярмо и устроиться на новых, справедливых началах. Разумеется, правительство и хозяева, как показывает опыт истории, никогда добровольно не согласятся на уступки и улучшения в положении народа, поэтому единственный выход из современного положения вещей — возможно скорая, самим народом произведенная революция.

Некоторые думают, что рабочие должны добиться политической свободы, чтобы затем посредством нее улучшить свой экономический быт. Но наука о человечестве, несомненно, доказывает, что политическая свобода не может явиться без предварительного экономического переворота; политические права и влияние принадлежат только тем классам общества, в руках которых находится или экономическая, или нравствен-

ная и физическая сила (боевая организация); так, в средние века на Западе, когда главное богатство общества состояло в земледельческом производстве, заправляющим классом в государстве было дворянство и духовенство, как владельцы крупной собственности; возьмем, напр., организацию государственного устройства; в немецких имперских сеймах (собраниях), заправлявших всею страною, имели право участвовать только сословие владетельных князей и духовенство; льготою от податей пользовались только крупные землевладельцы, и т. д. Когда же, начиная с XVII ст., главною силою в экономической жизни сделался капитал (благодаря открытию Америки, открытию морского пути в Индию, улучшению путей сообщения и разного рода другим открытиям и изобретениям), заправляющим классом в государстве, еще задолго до революции 89 г., сделалась буржуазия, хотя по закону не имела на это права (право принадлежало еще дворянству). Сам Людовик XIV, этот надменнейший король, снимал в своем дворце шляпу и унижался перед «жидом» Бернаром, чтобы выпросить у него заем.

Соответственно такому экономическому перевороту, капитал сделался условием участия в государственной власти (только лица, имеющие известное имущество, получали избирательное право и могли быть выбраны на какую-либо общественную должность). Так, по конституции 1814 г., имели право избирать представителей в парламент только платившие прямой налог в размере 300 фр. Грязнула июльская революция, и тем не менее законом 19 апреля 1831 г., как условие избирательного права, требуется налог в 300 фр. Благодаря же системе косвенных налогов, податною льготностью пользуется только капитал. Затем, как новое доказательство того, что политическая свобода для рабочих без экономической

самостоятельности есть не более, как призрак, обман, мы возьмем Германию: там, по конституции, рабочие имеют право выбирать представителей в рейхstag (собрание народных представителей), на самом же деле очень немногие рабочие пользуются этим правом. Обыкновенно перед выборами хозяева заявляют рабочим: «подавайте голоса за такого-то, а не то получайте расчет», и рабочие, не желая умереть с голоду, подают голоса за хозяйственного представителя. Перед началом великой французской революции король решился созвать выборных от всей страны, которые должны были представить в общее собрание нужды народа; некоторые депутаты, выбранные всем народом, представили такие требования крестьян: «так как у нас ничего нет, то мы для себя ничего не просим, а просим только короля уплатить нашему господину долг в несколько тысяч». Конечно, крестьяне заявили такую просьбу только потому, что боялись своего господина, который мог отнять у них свою землю, и крестьянам пришлось бы умереть с голоду. Отсюда ясно видно, на что годится избирательное право (политическое право), когда крестьяне и рабочие находятся в то же время в полной экономической зависимости от своих хозяев и господ; народ имеет политические права, но не смеет ими пользоваться, боясь умереть с голоду. Стало быть, для того, чтобы выйти из настоящего положения, рабочие должны направить все свои усилия к достижению экономического переворота; политические же льготы, как показывает история, будут непременным результатом экономического изменения.

Какого же экономического изменения должны добиваться рабочие?

Политическая экономия доказывает, что при теперешнем способе производства рабочая плата никогда

не может сделаться большею, чем сколько нужно рабочему, чтобы не умереть с голоду.

Статистика показывает, что теперешний способ производства ведет к физическому, а следовательно, и к умственному и нравственному вырождению рабочих. В виду этого рабочие должны стремиться к коренному изменению теперешних экономических отношений; такое коренное изменение состоит в следующем:

- 1) Принадлежность земли, фабрик и заводов всему народу и право каждой личности пользоваться ими;
- 2) производство работ ассоциациями.

И, как вытекающие отсюда, политические изменения:

- 3) Государственная организация, дающая каждой личности одинаковую долю участия в управлении государством.

- 4) Полная свобода личности, свобода слова, сходок, союзов и печати.

- 5) Местные народные ополчения взамен теперешней армии.

На кого могут опереться рабочие при достижении своих требований?

Существует мнение, что если рабочие будут добиваться только политических целей, то их союзником может быть буржуазия. Чтобы решить, насколько такое мнение справедливо, обратимся к истории. История революции 30 г. во Франции, когда буржуазия, изгнав при помощи народа короля Карла X, ввела избирательный ценз, т. е. лишила избирательного права всех неимущих (рабочих и крестьян), хотя раньше обещала это; революция 48 г., когда буржуазия, прельстив народ обещаниями улучшений в его быте, толкнула его на баррикады, и когда затем, добившись своих требований, та же буржуазия

залила улицы Парижа кровью народа, как только народ стал настаивать на выполнении обещаний; движения вигов и рабочих в 29 г. в Англии по поводу парламентской реформы, которые также не имели для рабочих никаких последствий, хотя последние, подстрекаемые вигами (буржуазной партией), много-кратно жертвовали своей жизнью во время возмущений, подачи прошений в парламент и т. п. случаях—все это показывает, насколько можно верить буржуазии.

Принимая же во внимание, что в России буржуазия очень разрознена, и, стало быть, не может так противодействовать рабочим, как за-границею, где она организована, мы должны признать, что союз и организация буржуазии крайне вредны для рабочих¹⁾. Поэтому рабочие при достижении своих требований должны опираться почти исключительно на свои собственные силы и силы крестьянства, а отчасти на те фракции социально-революционной партии, деятельность которых направляется к экономическому перевороту. Наблюдая прошедшие народные движения, мы видим, что одна из коренных

¹⁾ Вот к чему приводит, напр., организация буржуазии. Известно, что английские рабочие организованы в союзы по специальностям (союзы плотников, землекопов и др.). При борьбе с хозяевами рабочие поступали прежде так: часть союза, работающая на какой-либо фабрике, делала стачку, другая же и большая часть работавших на фабриках продолжала работу и помогала стачечникам деньгами. Хозяин уступал; тогда устраивала стачку другая часть союза, поддерживаемая работающими товарищами. Хозяин уступал и т. д. Таким образом, опять рабочие целого союза добивались своих требований. Но когда хозяева организовались, то как только на какой-либо фабрике начиналась стачка, все хозяева этой специальности рассчитывали своих рабочих для того, чтобы эти последние не имели возможности помочь своим стакнувшимся товарищам, и рабочие терпели поражение.

причин их неудач есть отсутствие организации народа, вследствие чего достаточно было взять одного-двух руководителей движения, чтобы последнее лишилось силы, так было в России во время Разина и Пугачева; в Германии во время крестьянских войн; то же было в 30 и 48 г.г. во Франции, когда руководителем движения была буржуазия, которая, достигнув своих целей, оставляла народ неорганизованным и потому немогущим вести борьбу. Поэтому главной задачей рабочих должно быть создание рабочей боевой организации.

Какие средства имеют рабочие для этого? Рассмотрим сперва старые, т. е. пропаганду и агитацию. Пропаганда в настоящее время, благодаря тяжелым политическим условиям, не может вестись в широких размерах, и потому путем пропаганды рабочие могут достичь своих целей разве лишь ко второму пришествию Христа.

Агитация для стачек и вообще массовых протестов не может быть практикуема рабочими, ибо, кончаясь всегда арестами и ссылками наиболее выдающихся лиц из рабочих, она только застраивает рабочих.

Обратимся к новым средствам:

1) Ввиду того, что теперешние политические условия не позволяют рабочим широкой пропаганды своих идей и агитации, могущих содействовать делу организации рабочих, и ввиду привлечения симпатий рабочих на свою сторону и приобретения влияния на них, рабочие выдвигают на первый план своей деятельности фаброчный террор. Ирландская народная партия риббон-менов, действуя этим путем, добилась такого сильного сочувствия и влияния в народе, что являлась действительным правительством: предостережения и приказания риббон-менов наводили страх на

землевладельцев и их агентов, и только очень немногие из них осмеливались ослушаться рибон-менов; таким путем Ирландия дошла до такого положения вещей, что правительство в настоящее время не может воспрепятствовать ораторам проповедывать на митингах (сходках) открытое восстание. В Англии в первой половине XIX ст. рабочие, начав жечь и разносить фабрики, мастерские и заводы, бить и убивать хозяев, т.-е. практиковать фабричный террор, принудили, таким образом, правительство и буржуазию удовлетворить их чисто-политические требования. Отсюда мы замечаем, что, кроме главной цели, фабричный террор способен служить действительным средством для получения от правительства и буржуазии разного рода уступок, напр., уменьшения числа рабочих часов, увеличения заработной платы, право стачек, союзов и пр.

2) Политический террор—как средство, подрывающее доверие к правительенным силам и, следовательно, способствующее поднятию революционного духа рабочих и усилиению смелости и бодрости их.

3) Тайная агитация на почве местных интересов с целью организации рабочих для немедленной борьбы с эксплоататорами путем поджогов, убийств и пр.

История Ирландии красноречиво говорит, что такой способ организации имеет наиболее шансов на успех, ибо он основан на живом и немедленном деле, и примитом, деле, в котором рабочие прямо заинтересованы; из истории рабочего движения в Англии видно, что оно, начавшись сперва стачками, при условиях, сходящих с настоящими в России, шло чрезвычайно слабо и, только вступив на путь фабричного террора, потекло широкою волной.

4) Организация на почве касс, библиотек, выпытывания газет, обучения грамоте; такие организации

очень удобны для социалистической пропаганды, так как в них участвуют лишь наиболее выдающиеся и надежные из рабочих, и притом пропаганда ведется не с одним только лицом, а с несколькими зараз.

Программа союза, составленная после ареста Щедрина и Ковальской¹⁾.

Мы, революционеры-народники, глубоко убеждены в том, что организация новых общественных отношений на обломках разрушенного строя может быть результатною и целесообразною только при совершении переворота снизу самим народом, сознательно и самостоятельно, а не сверху, разными самозванными благодетелями; что никакою политическою борьбою, никаким политическим переворотом, даже в случае перехода власти в руки истинных друзей народа, не может быть получен такой результат; что, наконец, политический переворот, произведенный интеллигенцией при помощи армии и косвенном участии народа, грозит нам очень вероятною возможностью перехода власти из рук настоящего правительства в руки нашего дворянства и нарождающейся буржуазии (каковы бы они ни были—радикальны, либеральны или консервативны), послужит сильным толчком их быстрого усиления и развития и, таким образом, только повторит те многочисленные попытки западно-европейских рабочих классов сбросить с себя оковы, наложенные на них привилегированными сословиями, которые вели е инстинктивно к перемене господина, но не к восстановлению попранных законов справедливости. Считая это за неоспоримую истину,

¹⁾ Извлечено из дела III отд., З эксп., № 787; в деле эта программа имеет надпись: «2-я программа. Копия с копии».

свою задачею мы ставим достижение социально-экономического переворота, произведенного сознательно относящимся к нему народом,—переворота, который, раз будучи совершен, заключает в себе, конечно, и переворот политический.

Не находя возможным надеяться в близком будущем на реализацию в жизни тех выводов научного социализма, которые чужды и непонятны народу при данной степени его умственного и нравственного развития, и отлагая поэтому заботу об этой реализации на будущие поколения, которым придется жить и действовать при более благоприятных обстоятельствах, мы стремимся воплотить в жизнь то, что, близко подходя к социалистическим началам, в то же время в более или менее оформленном и сознательном виде существует, как идеал, в непосредственном народном, массовом уме. Таковы живущие в народе принципы: право на землю только тех, кто прилагает к ней свой труд, и вообще взгляд на труд, как единственную санкцию права; общинное владение землею, в разных видах фактически существующее почти повсеместно; зачатки коллективного труда, выражавшегося в широком распространении артелей, мирских запашек и уборок полей и пр.; самостоятельность общин, как политической единицы; свобода слова, совести и лица в границах, не противоречащих общему благу; зачатки федеративного устройства и т. д.

Поставив свою задачею достижение социально-экономического переворота при посредстве сознательно относящегося к нему народа, на почве существующих народных идеалов, мы тем самым указываем на центр тяжести нашей деятельности. Главное внимание мы должны обратить на всестороннюю деятельность в народе (т.-е. среди крестьян, городских рабочих и армии).

А. Деятельность среди крестьянского населения.

Признавая, что социалистические народные идеалы далеко еще не оформлены, ясны, систематизированы народным умом, что народ наш, задавленный много-вековым рабством, не инициативен, не сознает своих сил, николько не организован для серьезной борьбы, мы, сообразно с этим, разделяем свою деятельность среди него на:

1) Пропаганду, цель которой—уяснение, развитие вышеупомянутых идеалов в массе при посредстве выработки по возможности в полных социалистов-революционеров тех выдающихся из массы своими умственными и нравственными качествами крестьян, тех, так сказать, самородков-радикалов, глубоко сознающих всю несправедливость настоящего общественного строя, которые существуют у нас в каждом селе, в каждой большой деревне.

Эти же выдающиеся лица, пользуясь любовью и уважением крестьянского населения, находясь с ними в непосредственных, постоянных отношениях, должны вести пропаганду собственно в массе, должны служить вообще посредниками между нами и народом.

В область пропаганды входит устройство всевозможных ассоциаций и пр., доказывающих на деле все преимущества общинного принципа в разных его приложениях.

2) Сельский народный террор, который, практикуясь на почве чисто народных интересов, направляясь против ближайших врагов и угнетателей народа—становых, исправников, урядников, помещиков, кулаков и пр.—и пользуясь излюбленными приемами самого народа, каковы поджоги, убийства... с одной стороны, способствовал бы организации народа в боевую

компактную массу (путем сплочения крестьян в отдельные кружки для достижения посредством такого террора исполнения своих требований, начиная от мелких, чисто местных, и постепенно переходя к более широким и общим) и, с другой, популяризовал бы в глазах народа социально-революционную партию, путем ассоциации представлений людей, терроризирующих правительство в лице его столпов, и людей, терроризирующих становых и кулаков, помещиков, выяснял бы ее истинные цели, ее отношения к народу и, что очень важно, вливал бы энергию и решимость в его душу, указывая ему на союзника и защитника столь сильного.

3) Агитацию, состоящую в возможной поддержке всяких самородных протестов среди крестьян, возбуждений таковых, если этому благоприятствуют обстоятельства и проч.

Б. Деятельность среди городского рабочего населения.

Деятельность наша среди рабочего населения городов должна выражаться в тех же формах, т. е. 1) в пропаганде (здесь более широкой, что обуславливается большим развитием городского населения), имеющей целью, кроме всесторонней критики существующего строя, главным образом, уяснение теории общего владения фабриками, заводами и колективного труда на них и выработку из рабочих людей, способных современем ити в деревню, как в главный операционный базис народнической деятельности, 2) в фабричном терроре, направленном против наиболее жестоких и ненавистных рабочим хозяев, производимом на почве ближайших и понятных им интересов, что так же, как и в народе, ведет к организации рабочего населения в сознательную

боевую революционную силу, поднимает его дух, способствует истинной оценке своей силы и значения, а также истинных стремлений социально-революционной партии и 3) в агитации, в область которой входит устройство стачек при шансах, дающих надежду на успешное их окончание, и пр.

Таким образом, организация народа в боевую революционную силу, достигаемая пропагандой, агитацией и широким распространением сельского и фабричного террора, составляет положительную сторону нашей деятельности. Народ, будучи хорошо организован и относясь сознательно к делу переворота, в удобное время собственными силами разрушит существующий строй.

В. Деятельность наша среди армии должна иметь, главным образом, характер отрицательный. Мы должны стремиться внести в армию, главная сила которой—военная дисциплина, дезорганизацию и ослабить, таким образом, возможное при будущей борьбе сопротивление этой бессознательной машины, находящейся в руках правящих классов. Средства для этого опять те же: пропаганда, приспособленная к положению солдата, и террор против наиболее ненавистных солдатам командиров. При усиленной деятельности в этом направлении мы достигаем если не зачисления большей или меньшей части ее в революционные кадры, то по крайней мере возбуждением неудовольствия против своего начальства благодарности и тайного сочувствия к нашей партии, дезорганизации ее в смысле военной дисциплины. Армия, резонирующая и колеблющаяся—совсем не та страшная сила, какую представляет она из себя при полном отсутствии мысли и безропотном исполнении приказаний начальства.

Г. В свою программу мы включаем очень важную деятельность среди интеллигенции вообще и молодежи в особенности. Здесь мы ищем и стремимся привлечь на свою сторону людей, которые, каковы бы они ни были по своим и политическим и прочим убеждениям, сохраняют в своем сердце любовь к обездоленному народу, искренно желают ему счастья и для достижения которого не задумаются принести в жертву свои выгоды и привилегии своего положения.

От Южно-русского союза инспектору арсеналов¹⁾.

Милостивый государь.

Так как во время вашего прошлогоднего инспектирования арсеналов г. Киева вы не обратили никакого внимания на поданную вам жалобу рабочих на притеснения их начальством, и так как поэтому означенная жалоба вызвала лишь со стороны полковника Родзиевского отказ от работы некоторым из рабочих, то понятно, что рабочие не имеют теперь ни малейшего желания заявлять вам о своих нуждах лично, вследствие чего обязанность эту принимает на себя «Союз».

Вот притеснения, испытываемые рабочими киевского арсенала от своего начальства:

Прежде работа продолжалась 10 часов, но затем, на время войны только, как об'явило начальство, было прибавлено еще два часа работы; несмотря на то, что война уже давно окончилась и рабочие просили начальство сбавить два часа работы, последнее не только не исполнило этой просьбы, но даже сбавило плату с каждой вещи.

¹⁾ Дело деп. пол. № 188. Подлинник отпечатан на одной странице в два столбца.

Помощник начальника арсенала, полковник Коробков, постоянно придирается к рабочим, ругая их площадными словами; совершенно произвольно налагает штрафы от 50 коп. до трех рублей, так что каждый день бывает средним числом пять человек оштрафованных; штрафует жалующихся на кого-либо из начальства; опоздавшего несколько минут на работу не впускает в мастерскую, чрез что пропадает у рабочего полдня; не позволяет при уходе с работы брать щепки и негодные обрубки (как то было прежде), для чего поставил при выходе из мастерской двух дежурных, которые обыскивают рабочих и, отбирая у них щепки, ругаются и дерутся (по приказанию того же полковника); выход с работ по причине этого продолжается до часу.

Старшие мастера: штабс-капитан Корчагин (кузнецкого дела), надворный советник Орлов и штабс-капитан Коновалов (деревянного дела) и Данилов (слесарного дела), заведывая складами инструментов, выдают исключительно инструменты, бывшие в употреблении, часто совсем негодные, требуя при расчете сдачи новых, вследствие чего почти каждый рабочий принужден для сдачи покупать инструменты на свой счет; испорченных инструментов для ремонтировки не принимают, а заставляют или покупать на свой счет, или делать, что при поштучной работе сильно уменьшает заработок; скверно обращаются с рабочими: придираются, ругаются, в особенности Коновалов. Помимо того, Корчагин во время выдачи жалования насильно удерживает с каждого молотобойца в свою пользу до двадцати копеек.

Заведующий слесарной мастерской штабс-капитан Прохоров самым нахальным образом грабит рабочих; делает это он так: составляя требовательную ведомость, он ставит в ней действительные, заподряженные

цены, в книжках же мастеровых—цену значительно меньшую против условленной, которую и выдает при расчете. Разность же между условленной и выданной ценой он вносит в книжку подмастерья, как бы вприбавку к его заработку, но на самом деле берет себе. Таких случаев не перечесть при каждом месячном расчете.

В виду вышеизложенного «Союз» требует:

§ 1. Отменить 2 рабочих часа, прибавленных только во время войны.

§ 2. Увеличить поштучную и поденную плату до размера, бывшего прежде.

§ 3. Разрешить при уходе с работы брать щепки, стружки и обрубки, как это было прежде.

§ 4. Обращаться с рабочими по-человечески.

§ 5. Усилить звук свистка и подавать его утром за час с четвертью до начала работы, по причине квартиrovания рабочих на значительном расстоянии от арсенала.

§ 6. Опоздавшего издельного мастерового впускать в мастерскую, а не заставлять терять полдня. Работающему поденно определить опоздание до пятнадцати минут.

§ 7. Выдачу годных инструментов и замену испортившихся новыми производить из склада.

§ 8. Поименованных выше начальствующих лиц предать суду за производимые ими притеснения рабочих и принять меры к полнейшему уничтожению этих притеснений.

§ 9. Уволить со службы младших дежурных: Бутенко и Нетесу, обыскивающих рабочих при входе, ругающих и бьющих их.

Союз предупреждает, что в случае неисполнения изложенных требований киевских арсенальных рабочих в 14-дневный срок, он предаст начальство арсенала своему суду, и наказание не замедлит постичь виновных.

Южно-русская вольная типография.
17 августа 1880 года.

От Южного рабочего союза начальству киевского арсенала¹⁾.

Арсенальное начальство, получив первое заявление Союза, поспешило удовлетворить следующие требования рабочих: уменьшило рабочий день на два часа, устранило Прохорова от выдачи жалованья, рабочим увеличило время на опоздание.

В виду этого союз, не желая прибегать без крайней надобности к кровавым мерам, предлагает еще раз начальству арсенала удовлетворить ниже следующие требования рабочих:

1. Увеличить поденную плату до размера, бывшего по первое октября; поштучную же—согласно требованию рабочих.

2. Выдавать рабочим инструменты положенной казною стоимости, а не самого низшего достоинства, как теперь, и переменять их по требованию рабочих, а не по усмотрению мастера, которому выгоден возможно больший срок пользования инструментом.

3. Дозволить рабочим брать с собою щепу, негодные обрезки, стружки и т. п., как было прежде.

4. Платить работающим в кузнечной мастерской поденщикам по восьмидесяти коп. в день из казны, а не из заработка мастеровых.

5. Усилить звук свистка и подавать первый свисток за час до начала работ.

6. Только за воровство штрафовать рабочих.

7. Уволить со службы за наушничество и придирики к рабочим дежурных Бутенко и Нетеса.

8. Заявить в полицию, что арсенальным рабочим взамен паспортов начальство выдает известной формы

¹⁾ Дело деп. пол. № 188. Подлинник отпечатан на одной стр. в два столбца.

жестяные номера,—мера, необходимая для устранения неправильного задержания рабочих полицией за неимение при себе паспортов.

9. Не взыскивать за потерю вышеуказанного номера по 25 к.

10. Выпускать рабочих по окончании работ без всякой задержки у ворот, без ругани и побоев.

Союз предупреждает, что в случае неисполнения указанных выше требований, он вынужден будет привести в исполнение угрозу первого заявления Рабочего Союза арсенальному начальству.

Южно-русская вольная типография.

24 октября 1880 г.

Печать Южно-Русского
Рабочего Союза¹⁾.

О казни полковника Коробкова²⁾.

По постановлению Рабочего Союза казнен заведующий киевскими арсенальными мастерскими полковник Коробков, как главный виновник нижеследующих преступлений:

а) Не считая рабочих за людей, он обращался с ними, как со скотом: так, напр., ни один рабочий, как бы ни утомился, под страхом штрафа, не мог во время работы отдохнуть, хотя бы только на минутку; на просьбу рабочего о прибавке платы он обыкновенно совал ему в лицо кукиши и кричал: «А этого

1) Печать Южно-русского рабочего союза с изображением револьвера, топора и молота, на нем буквы «З. и В.».

2) Террористический акт не был приведен в исполнение вследствие возникших на этот счет разногласий в среде Союза; часть находила это несвоевременным ввиду возможности смертных приговоров для арестованных членов Союза. Прокламации эти, заранее заготовленные, были взяты при аресте С. Богомолец.

не хочешь? Пьяница, лентяй. Убирайся к черту. Было бы болото, а черти будут»; прогонял рабочих без расчета и без всякой резонной причины; заставлял работать более пяти час. вечера и без обеда; приставив к рабочим шпионов-подмастерьев для наблюдения, как те работают и что говорят о своем начальстве, он давал им в награду за доносы штрафные деньги рабочих, чем поощрял шпионов к ложным доносам, усилившим и без того бесчеловечные отношения начальства к рабочим. Мы не говорим о непечатной ругани, которая служила у г. Коробкова единственной формой ответа рабочему, обращался ли тот к нему с просьбой, сделал ли какую ошибку или просто не понравился ему, о побоях и других возмутительных оскорблении.

б) Желая нажиться на счет рабочих и сильнее прижать их, он нашел самою лучшою мерою для того и другого штрафы, которые практиковал во всевозможных случаях: штраф за каждое слово, сказанное рабочим в свое оправдание против неосновательных его придиrok или ругани; штраф за малейшее опоздание, штраф за завтрак до обеда, а иногда за один плохой винт он разбивал молотком всю работу, заставлял вновь ее переделывать, не платя за побитую...

в) Он самоуправно уменьшил плату рабочим, напр., сборку лафетов с 80 р. спустил до 44 руб.; пообещав кузнецам надбавку платы, он уговорил их принять на свой счет молотобойцев, получавших прежде по 72 к. в день от казны, а потом устроил так, что кузнец с 49 р. с'ехал теперь на 36 в месяц с вычетом из них 17 рубл. одному молотобойцу... что в связи с непомерными и бесчисленными штрафами сильно разоряет рабочих, часто остающихся или почти (с 1 рубл. 30 к. на целый месяц) или совсем без средств, как, напр., рабочие клепальной мастерской.

Братья товарищи. Настоящее положение рабочего, при котором он тратит и силу и здоровье исключительно на добывание скучного куска хлеба, бесспорно тяжелое, становится совсем невыносимым, когда хозяева присоединяют к подобному положению еще такие условия, в которые, напр., поставил арсенальных рабочих г. Коробков,—условия, где рабочий не человек... даже не раб, а просто рабочая скотина... Где искать выхода из такого нечеловеческого положения?.. Обращаться для сего к законным мерам как по собственному опыту, так и по опыту других городов, Союз считает нелепостью, ибо наш закон всегда стоит за того, у кого тугой кошелек. А потому Союз ставит своею задачей защищать личность и интересы рабочих всеми возможными для него средствами и приглашает присоединиться к нему всех тех из них, которые не потеряли еще способность уважать себя и ценить свой труд и свои интересы.

Южно-русская вольная типография.

4 декабря 1880 года.

Печать Южно-Русского
Рабочего Союза.

По поводу 1 марта 1881 года.

От Южного рабочего союза.

Царь убит социалистами-революционерами. Это, во-первых, месть за те десятки виселиц, за те тысячи честных душ, замурованных в тюрьме и каторге, которыми благодушный царь украсил конец своего царствования; во-вторых, они думали смертью царя произвести волнение умов и тем самым побудить народ выступить более энергично со своими заветными требованиями. Мы, рабочие «Южного Союза», думаем, что и десяток убитых царей не поможет народному горю,

если этот самый народ не подымется дружно, как один человек, и не выскажет свою волю.

Если новый царь будет даже и лучше старого,— все-таки ему не понять нужды и горя народного; одному человеку не снять того гнета помещиков, фабрикантов и чиновников, который тяжким бременем лежит уже много веков на плечах рабочего люда. Еще хуже будет, если новый царь станет управлять народом с помощью дворянства да купечества. Теперь всякого мироеда еще можно пугнуть, а тогда он будет мироед на законном основании, как власть имущий; тогда смерть одного плуга вызовет целую бучу со стороны другой мелочи—кулаков, а пожалуй, и разжиревшего на казенной начинке нашего же брата рабочего. С одним царем еще сладишь, а с сотнею царьков не управишься.

Поэтому мы, «Южного Союза» рабочие, призываем всех честных людей соединиться с нами на таких требованиях, которые послужат первою ступенью наших заветных дум:

Вот чего мы требуем:

- 1) Законодательства фабричного, ограждающего рабочего от произвола капитализма.
- 2) Свободы слова, сходок и рабочей печати.
- 3) Свободы союзов и ассоциаций.
- 4) Прекращения личных казенных платежей и увеличения рабочей платы.
- 5) Уменьшения рабочих часов, дарового обучения.

Мы должны дружно стоять на этом и доказать, что примеры мужества наших друзей, жертвующих жизнью для блага родины, не пропадают даром; что правда живет еще в сердце рабочего, что хищники и угнетатели народа не останутся и у нас в долгу.

Положение рабочего таково, что он не уверен в завтрашнем дне, что завтра не пойдет с сумой от безработицы, а семья его не пропадет с голоду.

Довольно-ж надеяться и ждать чужой помощи.

С каждым годом живется все труднее, петля капиталиста, накинутая на шею рабочего, стягивается все туже. Ждать ли нам, чтобы она совсем задушила нас? Каждый честный работник пусть пристанет к нашему «Союзу», и дружнее пойдет работа общими силами.

На вас же, члены нашего «Союза», лежит вся ответственность за будущее рабочих. Вы светочи темного люда; вы умственная и нравственная сила народной массы. Удесятерите ваши силы в деле организации. Действуйте словом, делом и примером. Сплачивайте вокруг себя верных и честных людей; ваше дело не пропадет. Доброе семя упадет на добрую почву. Вокруг вашего знамени сомкнется дружная боевая сила, и не страшны будут нам ни цари-вешатели, ни своры их наемных слуг, ни тысячи штыков, на которых только и держатся царские троны. Штыки эти будут наши штыки... И разорвутся тогда вековые кандалы, в которых произвол царский держал ум, чувство и волю русского народа...

Южно-русская вольная типография.

2 марта 1881 года.

Печать Южно-Русского
Рабочего Союза.

От Южного рабочего союза.

Ко всем рабочим.

Всякий ждет себе от нового царя разных льгот, но боится заявить о своих нуждах, чтобы не назвали его бунтовщиком, а потому мы, «Южного Союза» рабочие, берем на себя почин и выскажем то, что у каждого рабочего на уме. Вот те требования, которые мы послали царю через графа Лорис-Меликова:

1. Свобода сходок для обсуждения своих нужд.
2. Уничтожение налога на душу; брать подати только с дохода.

3. Годовой доход в пятьсот рублей свободен от налога. С каждой сотни дохода свыше пятисот рубл. взимать по 1 рублю.

4. Заменить теперешнюю паспортную систему новой: чтоб, раз взявши паспорт, где прописан, можно было бы переменить его на том месте, где рабочий находится.

5. Издание законов, защищающих рабочих от произвола хозяев мастерских, фабрик и заводов:

а) Поденная плата должна быть не менее 1 рубл. 50 коп.; поштучная, месячная и годовая принаравливаются к поденной.

б) Во время дорожевизны поденная плата не менее 2 рублей.

в) Число рабочих часов не более 8. Для женщин не более 6.

г) На фабриках воспретить работу детей до 14 лет.

д) На фабриках и в мастерских, где работает не менее 10-ти рабочих, должны быть выбраны из среды рабочих по каждому ремеслу не менее двух оценщиков (средней способности и знания), которые вместе с мастером или хозяином назначают поштучную плату сообразно с поденной; из таких оценок составить тариф для обыкновенного времени и времени дорожевизны.

6. В виду безработицы сделать ссуду деньгами на устройство артельных мастерских и артельных магазинов для склада и продажи работ.

7. В артельные магазины принимать работы бедных хозяев-одиночек, платить им рыночную цену, взимая с 1 рубля — 1 коп. для покрытия расходов по содержанию магазина.

8. Наделить землею рабочих не-мастеровых, в состав которых входят: отставные и билетные солдаты, городские мещане-бедняки и сельские крестьяне, наплыв которых увеличивает нищету городских рабочих.

9. Закон о нищих. Годные к работе нищие поступают в артельные мастерские и негодные—в особые приюты в счет казны.

10. Приюты для сирот рабочих и для детей пострадавших рабочих, где могли бы они получить образование ремесленно-научное.

11. Снарядить комиссии для установления квартирной таксы сообразно с заработками.

12. Снарядить комиссии для установления таксы на с'естные припасы и контролирования их доброкачественности.

13. Даровое обучение детей рабочего класса ремеслам и наукам, пригодным к жизни.

14. Позволить рабочим фабрик и мастерских устраивать кассы для взаимной поддержки в нужде.

15. Для уменьшения пьянства и разврата устраивать читальни с газетами и книгами, доступными для рабочих. Позволить воскресные народные чтения тем, кто пожелает их устраивать.

16. Возвратить сосланных без суда рабочих, пострадавших за интересы своих товарищей.

Мы, «Южного Союза» рабочие, взявшие на себя защиту интересов всех рабочих южного края, об'явили войну капиталистам-угнетателям и их защитникам. Пусть нас обвиняют в жестокости; убийство и насилие противны нам так же, как и всем честным людям; нас заставили прибегнуть к насилию; мы не видим никакой поддержки и защиты от царя, никакой пощады от хозяев-капиталистов. Грабеж, произвол, насилие и полное обездоливание—вот спутники жизни рабочего. Теперь настал новый царь. Что сделает он для

народа, которому клялся быть верным, мы не знаем. Испробуем пока мирный путь. Ответ на свои требования мы будем ждать месяц. Если же мы убедимся, что и от нового царя помохи ждать нечего, тогда мы будем действовать собственными силами, на свой страх. И кровь, пролитая нами, да падет на головы тех, кто мог примирить людей, но не сделал этого...

Южно-русская вольная типография.

14 марта 1881 года.

Печать Южно-Русского
Рабочего Союза.

По поводу еврейских погромов.

Братья рабочие. Бьете вы жидов, да не разбираючи. Не за то надо бить жида, что он жид и по-своему богу молится, — бог ведь для всех один,—а за то его надо бить, что он грабит народ, что он кровь сосет из рабочего человека.

Судя по совести, иной наш купец али фабрикант хуже жида грабит и разоряет рабочего, высасывает из него последние соки и сколачивает себе капитал да растит свое брюхо толстое. Так неужели же такого кровопийцу оставлять в покое, а жида иного, который, может, не легче нашего добывает наущный хлеб тяжким трудом, ремеслом каким али черною работою, — ужли и его грабить? Рабочего бедняка, хоть бы он был и татарин, грех обижать.

Если уж быть, так быть зауряд всякого кулака-грабителя, что из нашего пота-крови капитал себе наживает, — бить всякое начальство, что грабителей наших защищает, что стреляет в народ за какого-нибудь подлого миллионщика Бродского и убивает невинных. Так вот они, новые порядки. Постоим же, братцы, дружней за свое дело.

С О Д Е Р Ж А Н И Е.

	Стр.
Южно-Русский Рабочий Союз	7
<i>Приложения.</i>	
Программа Южно-Русского Рабочего Союза	100
Программа Союза, составленная после ареста Щедрина и Ковальской	111
От Южно-Русского Союза инспектору арсеналов .	116
От Южного Рабочего Союза начальству Киевского арсенала	119
О казни полковника Коробкова	120
По поводу 1 марта 1881 года	121
От Южного Рабочего Союза	124
По поводу еврейских погромов	127

Цена 50 коп. 29087

18

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ

Конторы Издательства Всесоюзного Общества
Политкаторжан и Ссыльно-Поселенцев.
Москва, Лубянский пассаж, 32, тел. 3-64-73.

Склад изданий: Книжный склад "Маяк",
Москва, Петровка, 7, тел. 3-63-20.